

НЕВЕРОЯТНАЯ
ИСТОРИЯ
XX ВЕКА

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

ОПЕРАЦИЯ "АНТАРКТИДА" БИТВА ЗА ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Ольга Ивановна Грейгъ Операция «Антарктида». Битва за Южный полюс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6372988

Операция «Антарктида», или Битва за Южный полюс. / Грейгъ О.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-6994-5458-7

Аннотация

В новой книге Ольги Грейгъ автор раскрывает тему борьбы советской разведки со спецслужбами зарубежных стран за контроль над шестым континентом – Антарктидой. Читатель узнает многое из того, что сильные мира сего не предназначали для слуха простых людей. После прочтения этой книги тайное, скрытое во глубине партийных и государственных архивов, станет, наконец, явным. Организация научного исследования шестого континента всегда шла рука об руку с устройством военных баз и постройкой настоящих городов в толще антарктического льда. Более того, Антарктида стала местом встречи человечества с внеземным разумом, но информация об этом была тут же засекречена. И только теперь, спустя много десятилетий, читатель может узнать правду о тех событиях – благодаря собранному автором крупицам истины.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Грейгъ

Операция «Антарктида», или Битва за Южный полюс

Глава 1

Любая крупная авантюра должна иметь тайну. Но тайну очевидную, громкую, скандальную. Для этого и существуют средства массовой информации, сосредоточенные в руках главных мировых авантюристов. Вброшенная в СМИ со слов «одного высокопоставленного чиновника, пожелавшего остаться инкогнито», или как очередной *экслюзив* открытая всему миру тайна легко затмевает скрытую ото всех авантюру. О, как мельчает фигура Шекспира на фоне первополосных материалов, нарекающих кого героем, кого злодеем, кого пророком наступающих бедствий; как растворяется до микрофигуры сей драматург за спиной Невидимого, Неизвестного Мастера небывалых постановок, влияющих на судьбы всего человечества, а то даже и Галактики (!)... Да, прав был сказавший, что в печатной краске поселился дьявол.

Не об этом ли рассуждал, сидя в скверике на Ластовой площади города Севастополя, капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов? Несколько месяцев назад он вернулся из очередной командировки, с очередного задания, где чуть было не погиб от рук вьетконговцев. После изощренных пыток его обессиленное и окровавленное тело бросили в Меконг, на съедение крокодилам. Но он выжил. Он вышел на связь и его самолетом доставили домой. Длительное лечение, двухмесячная реабилитация в сочинском санатории, и еще две недели отпуска в любимом городе, бывшим по тем временам «закрытым». Его пребывание в Севастополе заканчивается, пора возвращаться в Москву, он – в мыслях оттягивая возвращение, – знает, что оно неизбежно, и потому пришел попрощаться с кораблями, стоявшими на рейде Севастопольской бухты, некогда открытой талантливым русским моряком вице-адмиралом Клокачевым и носившей тогда красивое название Ахтиарская...

В бухте сновали пассажирские катера на Северную и в Инкерман, командирские катера «стрижи» и баркасы с офицерами и матросами. И тогда он подумал невозможное: что если б он получил назначение на флот, то вот так бы и служил на одном из этих кораблей. Но он, начавший учебу в военно-морском училище, закончил ее, будучи чужой волей забран в Военно-дипломатическую академию, а затем стал служить в аппарате ЦК у всемогущего Арсения Алексеевича Архимандритова. Прозываемого за глаза тишайшими, трепещущими голосами Папа Сеня, а еще – *Папа Сатана*.

Один из «стрижей» направился мимо Госпитальной стенки в сторону Угольной и, не доходя, остановился у причала Корабельной стороны. С белоснежного красавца прытко выскочили несколько молодых офицеров. Румянцов проводил их взглядом, подавляя бессознательное чувство зависти. Словно влитой в серебристо-стальное пространство воды притягивал взоры, вызывая восхищение «Комсомолец Украины»; уникальный корабль 61-го проекта, получивший название *поющий фрегат* из-за издаваемого при движении звука. Полубоовавшись архитектурными очертаниями больших противолодочных кораблей и эсминцев, стоявших на рейде крейсеров «Адмирал Ушаков», «Дзержинский», флагманом флота крейсером «Михаил Кутузов» и крейсером «Слава», каперанг Румянцов вдохнул полной грудью свежий морской воздух, собираясь уходить. Он знал о каждом из этих кораблей, об их истории, пожалуй, много больше, чем служившие на них моряки. Потому что он, волей

судеб причастный ко многим тайнам, познавал, впитывая сокрытое, *скрываемое ото всех*, как губка впитывает воду...

Выйдя из троллейбуса у Приморского бульвара, Иван Румянцов направился по проспекту Нахимова, как вдруг понял, как кто-то, желая его остановить, бросился навстречу с криком: «Иван, подожди!». Тот, к кому адресовалось обращение, не оглянулся, а, продолжая идти, мгновенно высчитывал, где он слышал этот голос. Интуитивно почувствовав, что позвавший уже нагоняет и протягивает руку, чтобы прикоснуться, Иван сделал движение в сторону, тут же развернувшись.

– А, Арнольд Николаевич, здравствуйте, сто лет мы не виделись с вами.

– А ты, наверное, в отпуске? – не переводя дух, спросил догнавший.

– Ну, в общем-то, да. Только вот отпуск подошел к концу.

Известный в московских кругах критик, как он представлялся, «критик областных театров» Арнольд Николаевич Карно слыл любителем летнего отдыха у крымских берегов. Чаще всего он приезжал на юг в составе киноэкспедиций, куда собирались люди, причастные к кино или театру. Арнольд Николаевич ничего конкретного в поездках не делал. Его роль обычно сводилась к обольщению местных красавиц, страдающих по кинозвездам советского кино. А еще авторитет седовласого, чуть курчавого, с коровьими глазами и обаятельной широкой улыбкой критика держался на его обещаниях некоторым второстепенным сотрудникам экспедиции помощи, либо в расширении жилплощади в Москве, либо приобретении авто или дачи. В подобных разговорах он намекал на связи, показывал пальцем в неопределенную пустоту, как бы давая понять, что уровень его связей значителен.

Сейчас, идя со стороны местного театра, он, увидев проходящего морского офицера, резко бросился вдогонку. Встреча могла быть как случайной, так и спланированной, – о чем знал капитан 1-го ранга Румянцов, а потому практически никогда не расслаблялся.

– А как поживает наш знакомый? – почти запанибратски, с театральным пафосом, спросил Карно. Уже самым этим глупейшим вопросом и наигранной наивностью он пытался показать свою причастность к великим деятелям, а именно, к одному великому деятелю – к Арсению Алексеевичу Архимандритову.

– Ну, об этом, Арнольд, вы спросите общего знакомого. Если встретитесь с ним.

– О да, когда-то он со мной встречался, как сейчас с тобой. Я даже сказал бы... чаще.

В его словах звучало явное хвастовство. Хотя бы потому, что Иван Михайлович знал из архивных данных о степени сотрудничества Арнольда Карно с ведомством секретаря ЦК Архимандритова и его вкладе в советский Агитпроп. Впрочем, хвастовство служителя, еще по молодости прочно ухватившегося за прозрачную накидку Мельпомены, мало действовало на нервы каперанга. Разница в возрасте и пережитые Арнольдом Николаевичем годы войны обязывали Ивана уважительно относиться к нему. Карно, как считали многие в его окружении, нигде не работал, а жил на широкую ногу; даже распускали злые слухи, что надо бы Арнольда, «этого бездельника» посадить в тюрьму за тунеядство. Но Румянцов знал твердо, – Карно нельзя отнести к категории жуликов и прохвостов, и он заслуженно получает свою пенсию. Хорошую пенсию, в соответствии с вкладом и пользой, которую он принес стране, сотрудничая с ведомством Архимандритова. Но о его заслугах мог знать лишь очень узкий круг людей, которые... не вращались в среде обитания Арнольда Карно.

Сославшись на придуманное свидание, Румянцов избавился от сопровождавшего его критика, а через сутки выехал в Москву.

Он даже не мог предположить, что вскоре они встретятся вновь. Это потом – спустя годы – он, уже сам искушенный во всех тонкостях и нюансах своей работы, будет знать, что все, даже самые обыденные встречи осуществляются преднамеренно, если объект чьего-то интереса – *он сам*.

Румянцов вернулся в гостиницу, когда настала ночь и город укрыла, словно вылитая из небесной чернильницы, тьма. Он постоял у окна, не включая свет, наблюдая, как мерцают россыпи крупных звезд.

В ночь перед отъездом из отпуска ему приснился сон. Ему снились две немолодые красивые женщины, которые жестами, исполненными артистизма, схватив его за руки и ноги, стали тянуть, разрывая на части. И когда на месте разрыва (ему даже чудилось, как трещит, словно разрываемый целлофан, его тело) возникла острая боль, он закричал... и проснулся. В место предполагаемого разрыва врезался острый изогнутый крюк сетки кровати, на которой он спал. Спал поперек кровати, извернувшись в тревожном сне. Чертыхнувшись от подобной нелепости, Румянцов подошел к окну. Уже начинался ранний летний рассвет, он вдруг с неожиданной тоскливостью подумал, как ему не хочется возвращаться в Москву. Но долг офицера обязал его на новые подвиги...

Глава 2

В 197... году после недавно состоявшегося Пленума ЦК партии в Кремле прошло закрытое заседание очень узкого круга членов Политбюро и Секретариата ЦК. Свое мнение по имеющимся вопросам уже почти все высказали, когда выступил Андрей Игнатьевич Ютваков, отметивший, что недавняя Антарктическая экспедиция обнаружила уникальное явление в районе моря Росса. По словам одного из сотрудников органов безопасности, подтвержденных другими участниками операции, которые были внедрены в состав советской антарктической экспедиции и доставлены к станции «Мирный» на дизель-электроходе «Обь», в одной из расселин скал было замечено выделение газовых составов. Да не просто лишь бы чего, а выделений, характерных только для испарений над большим городом.

Посему выходило, что в недрах Антарктиды имеются жилые массивы и крупные производства.

Об этом старший оперативной группы доложил руководителю специальных исследований аппарата госбезопасности. Там, конечно же, эту информацию засекретили, оставив возможность изучить рапорт секретарю ЦК Ютвакову, о чем он и доложил сейчас присутствующим товарищам. Завершая выступление, Андрей Игнатьевич подчеркнул, что для того, чтобы исключить какую-либо утечку, надо осуществить ряд дезинформационных мероприятий, «слив» некоторый отвлекающий «экслюзив» в прессу, на радио и телевидение.

Говоря это, товарищ Ютваков понимал, что затевается большая игра; потому как ситуацией не преминут воспользоваться и коллеги. Каждый наверняка попытается разыграть свою партию, подставляя другого. Безусловно, дезинформационную утечку сделают и из Генштаба. К примеру, тот же недавно назначенный военный министр Борис Макарович Бородин тоже, как член Политбюро ЦК партии, участник этого совещания, явно намерен предпринять попытку закрепиться на посту. И хотя ему вряд ли удастся поколебать позицию Ютвакова, но ведь он заинтересован в осуществлении ряда реорганизационных мероприятий не только в своем министерстве, но и в рабочем органе министерства, – в Генштабе. И тогда полетят со своих мест нужные, преданные люди. Да, в подобных играх куда как легче просчитывать *чужих среди своих...*

Но Ютваков, настороженно присматривающийся ко всем новичкам в их узком кругу избранных, может быть относительно спокоен. Он настолько искушен в политике, что бояться ему некого, разве что Арсения Алексеевича. Но того бояться все, хотя тщательно скрывают друг от друга. Папа Сатана старше самых старших здесь на пару лет, а это дает немалое преимущество – так им, пожилым и наивным, кажется...

Сразу же по завершении совещания секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов вызвал к себе ведущего референта, капитана 1-го ранга Ивана Михайловича Румянцова.

Войдя к боссу и поприветствовав того четко, по-военному, Иван остановился невдалеке от массивного стола. Архимандритов, человек небольшого роста, в своих апартаментах, обставленных добротной мебелью из красного дерева с искусной резьбой, с картинами мировых мастеров кисти, кои мечтал бы иметь любой знаток живописи, среди изысканной, добротной роскоши времен Российской империи, никогда не выглядел не к месту, чудачком, шутом, коротышкой. О, нет, этот человек в супердорогом костюме, шитом в парижском ателье, обшивающем не более пяти-шести самых богатых людей планеты, в дорогих штучных туфлях, одним своим именем мог вызвать у человека, знавшего о нем, приступ страха.

Иван Михайлович Румянцов, попавший к нему на службу, еще до конца не понимая, какие шансы дает ему судьба и к каким темным силам его притягивает, скорее по наитию с первой секунды уяснил, что перед ним – Избранный... Между прочим, именно за это каче-

ство – прислушиваться к интуиции и действовать по наитию – его и ценил всесильный босс Арсений Алексеевич Архимандритов, главный режиссер в политическом театре Высшей Власти, секретарь ЦК партии. Арсений Алексеевич был членом Политбюро, где некоторые умники прозвали его Папа Сеня, но чаще говорили: Сатана, – да и то, если шептали это зловещее имя, то постоянно оглядывались: авось появится, как *черт из табакерки*. А ведь мог, почище Мессинга работал. Что там Мессинг – дитя малое рядом с товарищем Архимандритовым, дела которого можно было явственно проследить на Антарктическом континенте под толстым слоем льда, в древней истории империи Хань, в самых высоких домах Нью-Йорка... А при возможности, дающейся только немногим избранным, – даже увидеть *его самого* в разноразмерных местах Планеты и ее Истории... Вот *что* предстояло осознать Румянцову, вот на *кого* доводилось работать.

Босс придвинул своему референту папку, сопроводив жест словами:

– Почитай на досуге, может, найдешь что интересное.

«На досуге» означало одно: прочти сейчас, возможно, вскоре получишь другие секретные архивные материалы. Обладал ли кто на Земле более ценными архивами, чем Арсений Алексеевич Архимандритов? С годами Румянцов понял: да, обладал... тот, кто заполучил секретные раритеты из ведомства Папы Сени.

Перейдя в соседний кабинет, Иван Михайлович приступил к чтению. Сведения, представленные в папке, относились ко времени открытия русскими мореплавателями шестого континента – *Антарктиды*. Как известно, Антарктида была открыта в январе 1820 года российской экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, которые прошли на двух судах, «Восток» и «Мирный», вдоль тихоокеанского побережья, открыв также острова Петра I, Шишкова, Мордвинова, Землю Александра I.

В документах говорилось, что путешествующий в начале XX века, в 1901–1904 гг. на судне «Дискавери» британец Роберт Ф. Скотт подошел к берегам континента, исследовал море и ледник Росса, открыл полуостров, по западному краю дошел до 82 градуса 17 минут южной широты, собрал обширный материал по геологии, флоре, фауне и полезным ископаемым.

Во время санного перехода в глубине материка, в 40–50 км от побережья, Скотт обнаружил глубокую скалу, на вершине которой оказался хорошо оборудованный лаз, тщательно замаскированный вырезанными толстыми пластинами льда. Пораженные увиденным, Скотт и его спутники сумели отодвинуть несколько плит, и их взорам предстала стальная лестница из труб, ведущая вниз. Изумление англичан увеличивалось с каждой минутой. Они долго не решались спуститься, но, наконец, рискнули.

На глубине более 40 метров они обнаружили помещения, в которых неизвестными была оборудована продуктовая база из мясных продуктов, а в специальных контейнерах лежала аккуратно сложенная утепленная одежда. Причем, таких фасонов и такого качества, которые ранее ни Скотт, ни его помощники не встречали, хотя сами обстоятельно готовились к этой дальней и не безопасной экспедиции, в том числе и по части экипировки.

При доскональном осмотре на одной из курток была неожиданно обнаружена пришитая этикетка с записью «*Екатеринбургская пошивочная артель Елисея Матвеева*». Осмотрев всю одежду, Скотт понял, что все этикетки тщательно срезаны для сохранения инкогнито настоящих хозяев. Однако этикетку, оставленную в силу чьей-то халатности, а, главное, надпись с нее Скотт перенес в свои бумаги.

Конечно, в тот момент путешественники не поняли, что конкретно означает эта русская вязь, и что вообще делают русские на ледяном континенте, где воздух не прогревается выше нулевой отметки, где среднегодовая температура минус 50 градусов; и оттого, не скрывая своего удивления и оторопи, не рискнули идти дальше, а буквально ринулись обратно.

Пройдя более 15 километров, то есть, половину пути до базового лагеря, кто-то из спутников спохватился, что надо было взять хоть что-то из продуктов, так как их запасы на исходе.

Другой тут же предложил вернуться, но Скотт посчитал это непорядочным, ведь кто-то заготавливал на себя, не рассчитывая, что запасами воспользуются незваные гости. Но, скорее всего, на его решение повлиял страх, граничащий с паникой.

Придя на Большую землю, путешественники долго не решались рассказать общественности о таинственном погребении, или склепе, оборудованном русскими в ледяной пустыне; но в своем рапорте о работе экспедиции Скотт весьма подробно рассказал о находке. Вскоре материалы, поданные им в Британское географическое общество, *исчезли*. Более того, при настойчивых расспросах его осторожные спутники разводили руками, говоря, что все это не более чем выдумка, так, легенда для излишне любопытствующих...

Спустя несколько лет после этого английский исследователь Э. Шеклтон, возглавлявший в 1907–1909 гг. экспедицию на санях от судна к Южному полюсу, не обнаружил хранилища с продуктами и теплыми вещами. То ли не нашел точки по тем координатам, которые ему лично сообщил Р. Скотт, то ли хозяева склада сменили место хранилища. Шеклтон не дошел до полюса 178 км.

Во второй раз Роберт Ф. Скотт отправился на ледяной материк в 1911–1912 гг. покорять Южный полюс. Первым полюса тогда достиг норвежец, путешественник и исследователь Р. Амундсен, в январе 1911 он высадился на ледяной барьер Росса и 14 декабря того же года достиг конечной цели, открыв по пути горы Королевы Мод. Чуть позже, 18 января 1912 года Южного полюса достигла и группа, возглавляемая Р. Скоттом. Но на обратном пути в 18 километрах от базового лагеря путешественники погибли. Их тела, записи и дневники нашли спустя восемь месяцев. В палатке была сохранена и уникальная находка, – образец с отпечатками древнего ископаемого растения из рода *Glossopteris*, характерного для флоры Гондваны. Что отчасти подтвердит гипотезу о существовании древнего обширного суперконтинента, в состав которого входила и Антарктида.

Но самое удивительное оказалось в другом. Пока шли поиски пропавших путешественников, в базовом лагере случайно (!) обнаружилась записка на английском языке, сообщавшая, что Скотт и его спутники сорвались с ледника, а их снаряжение, в котором были продукты, попало в глубокую расщелину. И что полярники, если им в ближайшую неделю не окажут помощь, могут погибнуть. Непонятно, по какой причине никто не придавал значения записке. То ли посчитали неуместным розыгрышем, то ли провокацией товарища, у которого сдали нервы, а то и вовсе *от лукавого*.

А между тем, в записке точно указывалось, где находятся пострадавшие. Когда были найдены замерзшие тела Скотта и его спутников, в дневнике обнаружилась прелюбопытнейшая запись: «Мы остались без продуктов, чувствуем себя скверно, укрылись в созданной нами снежной пещере. Проснувшись, обнаружили у входа приличный запас мясных консервов, нож, сухари и, удивительное дело, в некоторых брикетах оказались замороженные абрикосы». Откуда бы это могло появиться, Скотт и его товарищи не знали. К сожалению, сухарей и абрикосов хватило ненадолго... Продукты закончились через несколько дней, ведь те, кто им желал помочь, полагали, что за оказавшимися в трудном положении придут соотечественники, стоит только прочесть записку. Но...

По возвращении домой члены этой полярной экспедиции, наслышанные, что погибший еще после первого своего путешествия на шестой континент подавал рапорт в Британское географическое общество о загадочной находке, стали настойчиво искать документ, и, конечно, безуспешно.

...Среди бумаг, имевшихся в папке, каперанг Румянцов обнаружил донесение руководителя Имперской разведки графа Александра Георгиевича Канкрин, докладывавшего Государю Императору Николаю II, *что русская экспедиция в составе трех кораблей*

достигла берегов шестого континента. Где обосновалась, построив два базовых лагеря. Также указывалось, что по пути движения к Южному полюсу заложили четыре склада продовольствия. После заполнения их всем необходимым началось изучение континента с целью дальнейшего освоения недр. Внизу шла четкая подпись графа Канкрина. Каждый документ, носивший эту подпись, был для каперанга Ивана Румянцова особым; познавая дела и подвиги этого великого человека, имевшего немецкие корни, чистосердечно преданного идее Российской империи и ее императору, Иван Румянцов познавал предков, чьи гены временами смутянили, пробуждая его сознание, превращая его из *хомо советикус* в Человека...

Глава 3

В ближайший выходной Иван Михайлович Румянцов вышел из своего особняка в Березовом бору, желая прогуляться, а затем сесть в такси или метро и проехаться по городу. Его машина осталась в гараже. Иногда каперангу требовалась прогулка для сосредоточения мыслей; в мельтешении *простых советских граждан*, снующих то в поисках дефицита, то в поисках отдохновения от *мирного труда на пользу общества*, его посещали любопытные желания. То чудилось ему, как бы все могло быть, если б не было 1917 года, и какими достойными гражданами могли стать все эти снующие люди, не ведающие трагизма своего бытия, возвращенные на патриотизме псевдоценностей.

На подходе к метро перед глазами каперанга Румянцева вдруг возник Арнольд Николаевич, явно обрадовавшийся встрече. Он так быстро заговорил, буквально убалтывая собеседника, не давая тому ничего сказать, отговориться, сослаться на занятость, что Румянцов, сам того не ожидая, согласился провести ближайшую субботу в компании театрального критика. Седовласый болтун, дернув Ивана за рукав и напомнив о договоренности, распрощался и вихляющей походкой направился в подземный переход.

По истечении недели Арнольд Николаевич перезвонил референту Архимандритова, согласовав завтрашнюю встречу у себя дома. Жил Арнольд почитай в центре столицы, на Дорогомиловской улице, рядом с Киевским вокзалом. Однако когда они встретились, Карно, загадочно сверкая глазами, предложил проехать в *одно очень интересенькое место*. Сев за руль «Волги» и подождав, пока каперанг устроится рядом, Карно рванул с места. Ничего в поведении критика не вызывало особого беспокойства, разве что излишняя беспечность и навязчивость, но таковым был стиль поведения старого ловеласа. Пока они ехали в Сивцев Вражек, он все болтал и жестикулировал, нередко оставляя руль, а, получив замечание, отреагировал по-своему, став еще более энергичным в жестах. Из всей трескотни Иван понял, что сейчас его познакомят с очень удивительной и прямо-таки замечательной женщиной, знаменитостью и красавицей.

Они поднялись в элитный московский дом, в квартирах и закоулках которого происходили столь невероятные истории, связанные с именами незаурядных людей, вершащих судьбы страны, что каждое имя, произнесенное вслух, было достойно своей уникальной книги.

Именно здесь, в солидной квартире площадью в 150 квадратных метров, некогда полученной ею от влиятельного деятеля партии при товарище Сталине и жила та самая удивительная женщина, с которой предстояло познакомиться Румянцову. Годы ее молодости и почитания остались давно позади, и теперь она жила в гордом одиночестве, общаясь с узким кругом людей. Но оттого знакомство с ней было еще более желанным; ведь ее образ, ее голос, неповторимое очарование запечатлел нетленный пергамент Истории...

Когда они поднимались в лифте, Арнольд Николаевич предупредил:

– Имей в виду, она народная артистка.

Но не сказал, народная артистка РСФСР, или Советского Союза. В гостях у хозяйки дома уже были две пары неопределенного возраста. Сама она выглядела дамой не старше 40 лет. Так тщательно наложенный грим сокрыл ее возраст; правда, имелись и иные объяснения ее молоджавости, о чем каперанг узнает много позже... открывая по долгу службы на Папу Сатану многие мистические тайны мироздания.

Вечер, долженствующий проходить умирительно и ладненько, казался Ивану утомительным. Арнольд Николаевич все время беседовал с хозяйкой, представленной Румянцову как Елена Васильевна Пешковская. Конечно же, он узнал ее по популярным советским кинофильмам, десятки раз просмотренным им в детстве. Присутствующие за столом парочки

вообще не проявляли к молодому человеку, коим был Румянцов, никакого интереса... он отвечал тем же, и откровенно скучал, глядя на публику.

К трем часам ночи Иван почувствовал усталость, и, незаметно переместившись в самую дальнюю комнату, усевшись в кресло и погасив торшер, предпочел отдаться дремоте. Проснулся он от прикосновения Елены Васильевны, нарушившего его зыбкий сон. Женщина была в чудесном халате, ее глаза сильно блестели, неожиданно дивным певучим голосом, наклонившись, она пропела:

– Все ушли, а ты остался. Пойдем, я уложу тебя спать.

Иван нехотя поднялся с кресла и пошел вслед. Подойдя к кровати и отбросив атласное одеяло, она незаметно развязала тесьму пояса, поддерживающего на ней тонкого шелка расшитый халат, одновременно подчеркивая изящную талию. Вдруг халат упал, соскользнул с плеч, обнажая тело. Елена Васильевна, несколько не смущаясь, скользнула на простыни, и легла на спину, приподняв вверх правую ногу, как бы прикрывая тем самым интимное место.

– Ложись рядом, – вовсе не певуче, а твердо и безапелляционно заявила она, – я хочу любви и страсти с тобой.

Итак, это уже было интересно, потому как предполагало режиссуру и требовало ответный ход; впрочем, Иван к тому времени еще не отточил свой циничный кураж, воспитанный в нем и общением с боссом, и удивительной жизнью, проживаемой рядом с этим *Избранным*. Конечно, женщина была прекрасна. Ее матовая кожа казалась отполированной в приглушенном свете торшера. Нагая Даная, – показалось ему, – сейчас стыдливо протянет руки, и он, очарованный, но одновременно останавливаемый изяществом тела и яростно сдерживаемой похотью в сверкающих глазах, лишь опустил на стоявшую подле кровати банкетку. Вместо какого-либо действия Румянцов стал внимательно рассматривать ее наготу, словно пытаясь прочесть и запомнить каждый изгиб, каждую складку. Наверняка, в какой-то момент ей показалось, что он пытается увидеть, как ласкали ее руки знаменитых людей, как они держали ее, мяли, гладили; и это *считывание* должно было завести ее в замешательство. Сцена явно затянулась; прикрыв пушистые ресницы, Елена Васильевна терпеливо ждала. Но вместо желаемого она услышала:

– А вы уверены, что у меня с вами получится?

Дерзновенный юноша; но она стерпела и это. Конечно, он для нее – юноша, молодой самец с накачанными бицепсами, с упругим икрами ног; опытная, она чувствует силу, томящуюся у него в паху... Она чует даже запах, исходящий его могучим телом, разморенным коротким сном. Разве же он не для *этого* приведен сюда?

– Прикоснешься – получится.

В ее просьбе не было строптивости, она, властительница, лишь надеялась, что он согласится.

– Ну что же, – ответил Румянцов; о таких говорят в народе, что им *наглости не занимать*, – я настолько у вас устал, что, пожалуй, перейду-ка с банкетки на кресло, и если у меня возникнет страстное желание, то лягу к вам.

Она не ответила, лишь дрогнули плечи, но проследила взглядом, как он меняет дислокацию. Устроившись в широком удобном кресле, Иван вскоре почувствовал, как его мозг захлестнула сильная волна, прекрасно понимая, что за этим следует. Это включались скрытые резервы и ресурсы тренированного организма. Он закрывает глаза, он подчинится энергии, поступающей извне, и, вступая с ней в контакт, словно отрешится от окружающего мира, его душа выйдет из тела, расположится выше, над ним, – справа или слева, и, словно сторожевой пес, будет наблюдать за засыпающим крепким сном физическим телом. На человека несведущего, незнающего эта энергия имеет ужасающее воздействие. Если бы кто-то попытался нарушить его покой, то душа, словно яркий *таб*, вмиг взвилась, возвратилась в него и, наполнив все тело энергией, которую вобрала из космоса, из Вселенной, придала б ему,

землянину, человеку, чудовищную силу... А чтобы тело спокойно почивало, душа Ивана израсходовала часть энергии, чтобы усыпить Елену Васильевну.

Да, многими уникальными приемами владел референт Папы Сени; многим премудростям научился, мог только силой своей энергетики поднять с места человека, мог растворяться в пространстве, подобно магу, гипнотизировать, прочитывать мысли. Но на все эти манипуляции требовались невероятные затраты энергии, и потому применять чудеса следовало в самых исключительных случаях. Но со временем даже эти таланты покажутся Ивану детской забавой...

Утром Иван открыл глаза и увидел, что Елена Васильевна лежит, как лежала, на спине, разве что правая нога ее была вытянута. Сморенная сном, она так и не укрылась. Иван встал с кресла, с хрустом размял суставы плеч и торса, подошел к кровати и осторожно укрыл актрису, натянув атласное одеяло. Но то ли она уже не спала, то ли ее разбудило остывшее за ночь одеяло, но она тут же открыла глаза. Сладко потягиваясь и обнажая грудь, раскрепощаемая видением, Елена Васильевна томно произнесла:

– Такого мужчину, как ты, я давно не имела. Ты хоть знаешь, с кем провел ночь?

Судя по тому что она продолжала говорить, не глядя на присутствующего, ответ ей был не нужен. Иван и не перебивал, не переубеждал, только посматривал, щуя глаза и пряча в них улыбку.

– А сейчас я пойду в ванну...

Спектакль продолжился. Подняв руки к вискам, она сняла с себя парик, и на месте роскошных волос Иван Румянцов увидел... блестящий череп. Женщина явно пыталась его поразить, разозлить, и тем самым уничтожить...

Изящным движением актриса сняла наклеенные брови и ресницы, отклеила перламутровые ногти, и, не стыдясь наготы, вернее, полной оголенности, выскользнула из-под одеяла.

– Моя уникальность в том, что я старше тебя лет на сорок! И, торжествующая, извилистым шагом, словно змея, она проследовала из спальни в ванную.

Румянцов подошел к ванной, приоткрыл дверь, и, заглушая струи воды, четко сказал:

– Мне надо быть на работе. Я уезжаю. До свидания. Закрыв за собой все двери, он уехал домой. Но ему вовсе не нужно было на работу; в этот наступивший воскресный день он хотел лишь одного: отдохнуть. Через полтора часа, как и следовало ожидать, позвонил Арнольд Николаевич. Ему явно не терпелось узнать подробности; хотелось и посмеяться, и уколоть, и показать свою значимость в деле неприкрытого сводничества. Но за всем этим стояла какая-то иная цель; какая – предстояло обдумать.

Как всегда, не делая передышек и беря собеседника *нахрапом*, Арнольд Николаевич стал расписывать прелести талантливой Елены Васильевны. Он говорил так долго и нудно, что Иван опустил руку вместе с трубкой и ждал, когда прекратится разговор. Услышав, как доносится глухое настойчивое «ало-ало», он приложил трубку ко рту и произнес:

– Не пора ли заканчивать?

– Да ты что, не понял, что я говорю? Ну, как она? Классная? Но не удивляйся ее возрасту. У меня с ней был роман еще в сорок втором году на войне, когда мы в составе концертных бригад ездили на передовую. Румянцов, зная военную эпопею Карно, не без ехидства среагировал:

– Очевидно, это самые главные ваши подвиги на войне, Арнольд Николаевич. Но я вас разочарую. Спустя 30 лет ваша пассия достойна только вас...

Карно мгновенно переспросил:

– А чем я плох?! Так мы встретимся?

У Румянцова была интересная особенность, – когда он не желал продолжать с кем-либо из окружения разговор, то, несмотря на время суток, говорил: «Спокойной ночи». На

сей раз Иван не отступил от правила. Оборвав болтовню пожеланием «спокойной ночи», он положил трубку.

За настойчивостью этого товарища явно скрывался не пустой интерес; интерес на грани провокации, – а это никак не входило в планы Румянцова.

Жаль, но день не удалось провести спокойно. Раздался звонок аппарата, конечно же, звонили по спецсвязи. Иван, досадуя и проклиная телефон, подумал: «Черт, неужели опять на службу, да еще в выходной?» Он поднял трубку, и ответил:

– Слушаю!

Звонившим оказался заместитель и начальник Центрального штаба секретаря ЦК Архимандритова генерал армии Гейер-Генерозов.

– Я внимательно вас слушаю, Исай Львович!

Гейер-Генерозов всегда был корректен с ведущим референтом Арсения Алексеевича. Правда, он никогда не обращался к нему ни по фамилии, ни по имени-отчеству, ни просто по имени, а только по званию.

– Капитан первого ранга, не обращайтесь внимания, что сегодня выходной. Вы же знаете, что для нас время отдыха относительно. За вами сейчас заедет автомобиль, вы знаете и водителя и машину. Вы проедете по известному вам адресу, заберете известную вам особу и доставите ее на объект «Интернационал».

Понятное дело, особа Румянцову была хорошо известна, а объект, на который следовало ее привезти, был подмосковной виллой Архимандритова.

Референт вышел из своего особняка ровно через 15 минут и тут же увидел, как на площадке перед домом остановилась «Чайка» ГАЗ-13. Зная, что особа, за которой они заедут, будет находиться сзади в салоне, он сразу сел рядом с водителем. Тот знал, куда ехать, и автомобиль на огромной скорости направился по адресу.

Дверь Ивану Михайловичу открыла вышколенная домработница, чуть склонив голову и указав направление, она провела его в покои хозяйки. Эвелина Абрамовна Сарнавская была знаменитой актрисой, известной не только в советской стране, но и далеко за рубежом, – редкий случай для Страны Советов. Женщина изумительная, она унаследовала свою красоту от матери-украинки; иногда, глядя на нее (чаще, конечно же, в фильмах) Румянцов ясно представлял паненку, с любовью живописуемых гениальным Гоголем.

Эвелина Абрамовна, мило улыбаясь гостю, приподняла руку для приветственного поцелуя и красивым грудным голосом произнесла:

– Нюша проведет вас в комнаты, там вы встретите одну знакомую вам особу.

Румянцов в сопровождении домработницы Нюши направился по длинному коридору; у одной из дверей она остановилась. Иван отворил дверь и вошел в комнату.

Почти посередине уютно обставленного дорогой мебелью пространства в мягком кресле сидела не менее известная, чем хозяйка квартиры, актриса. Он сразу узнал ее, хотя со времени их последней встречи прошли годы. Рогнеда Павловна Чаковская преподавала (помимо иных обязанностей) в Военно-дипломатической академии курс риторики и актерского мастерства. Уже после окончания академии, когда Румянцов работал под крышей торгпредства в порту Хайфон в Демократической Республике Вьетнам, он услышал от прибывшего туда инкогнито министра, в свое время лично знавшего товарища Сталина, что Рогнеда Павловна была одной из довоенных любовниц великого вождя. А еще, что она была родственницей какого-то близкого соратника Ленина.

Восседа на кресле в атласном китайском халате, как сказочная восточная фея, Рогнеда Павловна подождала пока Румянцов подойдет к ней, и изящно подала обе руки для поцелуя. Затем, прикасаясь длинным ногтем тонкого пальца к его щеке, она подставила лицо для поцелуя.

– Ванечка, если ты моряк, то прояви смелость, поцелуй великую актрису в губы.

Прихоть кокетки следовало исполнить так, чтобы не перейти грань, за которой начинаются неприличие и разочарование... Никакие *естественные прикосновения* здесь не проходили; женщины, с которыми Румянцов встречался за последние двое суток, – все, как одна, – были слишком выдающимися, слишком значимыми, даже по той причине, что вступали в связь с неординарными личностями, оставившими на их губах, их телах, в их женской матрице тел свои печати, свой генный след...

И шутка ли, он хотел получить поцелуй на грани риска, на грани фола, на грани жизни и смерти. Иван припал на левое колено и резким движением раскрыл блестящий халат, в следующее мгновение его пальцы раздвинули женские колени. Он рассчитывал увидеть обнаженное тело, но под халатом оказалось нижнее белье. И, чтобы не опозлать момент, он искренне, с вожделием в голосе, произнес:

– А что, если я поцелую вас в *эти* губы?

Та, словно приводя в чувство и успокаивая шалуна, схватила руками его за голову и потянула к себе, приподнимая. Когда его лицо коснулось впадины между ее грудей, Рогнеда Павловна, обдавая его чистым дыханием, то ли наигранно, то ли искренне дрожа голосом, предложила:

– Давай условимся так: я отдамся тебе и не раз. Ты мне интересен, как молодой мужчина. Только бы я не хотела... я не хотела, чтобы моя старость... – она выговаривала последние слова так, словно у нее в горле были камешки, мешавшие ей произносить, – чтобы моя старость оттолкнула тебя.

Как дикая кошка она проскользнула мимо Ивана и оказалась в самом дальнем углу, – подальше от искушений.

– У меня к тебе просьба... Сейчас тебе надо быть в другом месте. А я тебя буду ждать. А теперь иди, а то хозяйка заждалась.

Когда Румянцов проходил по коридору, одна из дверей открылась, оттуда вышла элегантно одетая, благоухающая Эвелина Абрамовна и впереди его направилась к автомобилю.

Спустя чуть менее часа сверкающая черная «Чайка» въехала на объект «Интернационал».

Глава 4

Объект «Интернационал» был когда-то помещицкой усадьбой, как и некоторые другие объекты, расположенные в подмосковном смешанном лесу. На закрытой обширной территории секретного микрогорода в самых живописных местах стояли *«экспроприированные»*, что значит отобранные большевиками у хозяев трех-четырехэтажные русские усадьбы. В этих цэковских учреждениях жировали советские руководители, *дети великого разбоя революции*.

Сюда, в некоторые из зданий, приезжали – на отдых и для получения инструкций, а то и резких нагоняев – секретари из братских республик, отягощенные услужливой свитой и своей значимостью почти неограниченной власти над *народами братских республик*. Сюда с теми же целями наезжали и секретари коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества и братских партий международного коммунистического и рабочего движения.

Вилла Архимандритова была, пожалуй, одной из самых таинственных, самых недоступных среди всех этих сверхсекретных объектов.

Оставив Эвелину Абрамовну в гостях у секретаря ЦК, ведущий референт Румянцов, следуя распоряжению Арсения Алексеевича, перешел в соседнее здание, где погрузился в работу. Он будет находиться здесь, пока адъютанты Архимандритова не вызовут его к боссу. Впрочем, расслабляться не приходится. Прав был генерал армии Гейер-Генерозов, сказав, что все выходные для них – приятная условность, не более...

Здесь работы всегда непочатый край; только успевай читать донесения резидентов, поступающие со всего мира, только поспешай листать документацию, сопоставляй, анализируй, запрашивай архивные данные... сам мотайся по всему шару, оборачивайся со скоростью пули, иначе пуля тебя догонит... а не пуля, так слово... И в этих мыслях, проskalзывавших в сознании Румянцева, не было вымысла, – специалисты из подразделений Архимандритова умели *убивать словом*, знали особые изоциренные технологии, воздействующие на тех, в кого введен специальный код на Слово. Сказал человеку некий пароль, а он сам, несчастный, взял да и застрелился, например. Или из окна выпал. Или еще черте как счесть свел с жизнью.

Иван отмахнулся от назойливых мыслей, как от тонко зудящих у виска комаров.

Некогда ему раздумывать над судьбами отдельных личностей, некогда и о себе самом думать, – тут всегда на первом плане дело, а не самосохранение. У каперанга Румянцева, ведущего референта секретаря ЦК Архимандритова под началом целое подразделение, целые секретные объекты, возглавляемые генералами; на него работает более 1000 человек!

Да, не простой работник Румянцов, очень даже не простой...

Иван Михайлович спустился в бункер, где велась подготовка операций, проводимых его людьми в Африке, Чили, в Юго-Восточной Азии. Постоянный процесс, не прекращающийся ни на секунду; сотни инструкций и миллионы судеб...

Многое знал *непростой работник* Румянцов, со многими друзьями и соратниками Папы Сени знаком был, но еще слишком молод был, горяч, хоть и расчетлив, и сметлив. А, поди ж ты, о полной и беспредельной подлости человеческой натуры еще предстояло ему узнать.

Ведь не зря же к нему был подослан товарищ кино- и театральный критик Карно, представивший его старой, только вот никак не дряхлеющей знаменитости Елене Васильевне Пешковской. Зачем было его провоцировать на связь с ней? Зачем ему подсовывали и старую знакомку, красавицу Рогнеду Павловну Чаковскую? Какую карту разыгрывает босс? Этот сеятель раздоров, любящий только кураж и богатую поживу?

Но нет, Румянцов не должен так думать, он предан, он на стороне босса, он честен с ним всегда. Иначе – смерть.

Но если он не будет так думать, просчитывая ходы Архимандритова, то смерть для него наступит еще раньше...

Жаль, но тогда он еще не знал, *кто* такие эти старые, опытные женщины, вырастившие легионы агентов, разведчиц, жриц любви, фанаток, искусных убийц. Сотни и тысячи похотливых матрон, поспешающих столкнуть мир к обрыву разврата. Сотни и тысячи марионеток, лежащих в постель только с сильными мира сего. Мириады глаз, мириады ушей...

Румянцов тогда еще не знал, что они, эти примадонны советской сцены, – хорошие собеседницы, разбирались в тонкостях и нюансах Большой Политики, иначе бы Архимандритов их не держал. Их у него было не так уж много: избранных женщин, приближенных. Умные, сильные, красивые, каждая – с умом супердипломата и супераналитика, – эти женщины в свою пору становились создательницами машины разврата, но не тут, не в своей стране, а на другом континенте! Отправляясь на задания за границу, они блестяще выполняли задачи, оказывая влияние на действия и поступки мужчин, а в конечном итоге – влияя на политику других государств.

То, что Румянцов *не купился* на чары, это большой плюс. Молодого мужчину иногда очень просто завлечь громким именем, фееричностью личности, прикоснувшейся к Истории. Да кто он таков? – мальчишка, которому нет и 30, а их сжимал в объятиях и целовал сам Сталин! Дерзкий горец, символ чудовищной поры; он эпохален и вечен, как древние фараоны...

Конечно, Румянцов понимал, что его общение с дамами зафиксировано с десятков, а то и сотен ракурсов, – иначе в их ведомстве и быть не могло; здесь фиксировали все обо всех сотрудниках, всегда скрытно, в самых неожиданных местах... Его еще не раз станут провоцировать *на* имена и красоту, *на* возраст и положение, искушая вовлечься в приятную, роковую ошибку. Нет, конечно же, Румянцов не чуждался женщин, но всегда помнил главное: за связь с *не той женщиной* он поплатится жизнью...

В подсознании референт понимал, а со временем и узнал достоверно, что его босс – страшный собственник, и если бы кто-то покусился на его женщин, то и тот мужчина, и та женщина, посмеявшие изменить ему, были бы уничтожены; он, Арсений Алексеевич Архимандритов, никому ничего не прощал.

Однако, в последующем неоднократном общении Румянцова с женщинами, приближенными к гению Архимандритова, была своя тайна! Некоторые из них даже верили, что... спали с ним. Впрочем, после ночи, проведенной референтом у Елены Васильевны Пешковской, та искренне верила, что отдалась молодому мужчине с пылкой страстью 17-летней девушки. Подобное состояние будет внушено и Рогнеде Павловне Чаковской. Дамам казалось, что между ними и крепким горячим самцом существует идеальная тайна, снисходительно дозволенная самим Архимандритовым. И оттого в его присутствии они станут задорно задевать Румянцова, играя в слова и взгляды. Ничего странного в том, что Арсений Алексеевич позволил им подробное душевное состояние, не было. В этом состоянии женщины лучше работали, их стареющие инстинкты подогревали, ускоряли мыслительные процессы. Что и требовалось Архимандритову. Уникальная аппаратура, запечатлевающая и проецирующая на экраны общение Румянцова с женщинами, свидетельствовала, – его референт играет, куражится, отдает часть своей энергетики, внушает, но никогда не переступает символическую черту.

Не раз еще будет так, когда в апартаментах босса соберутся милейшие Елена Васильевна и Рогнеда Павловна, и, посматривая на красавца-референта, при первой ссылке Архимандритова, что его референт как раз и есть эксперт в той или иной области, станут вальяжно подшучивать:

– Вот вы утверждаете, что такой эксперт, как Румянцов, подтвердит ваши глубокие познания, к примеру, в области Военно-морского флота. А не кажется ли вам, дорогой Арсений Алексеевич, что он эксперт только по одной части: по части женщин? Это, между прочим, вам говорит женщина.

– Это не умаляет, а увеличивает достоинства моего офицера, – обычно добродушно парировал Арсений Алексеевич. И продолжал дискуссию, вернее, выступление.

Обычно, приглашая гостей, он начинал не столько разговор, сколько пламенный спич, из которого следовало, какой он всесильный, всезнающий, какой мощью обладает, и какие у него глубочайшие познания во всех сферах жизни. Несмотря на некий налет бравады, все это было сущей правдой. Архимандритов обладал уникальными знаниями и уникальными возможностями. И эти таланты были даны ему не Богом, но дьяволом...

Обычно его аудитория должна была включать от двух до пяти человек, предпочитавших его слушать, более того – слышать. Ибо Арсений Алексеевич мог мгновенно снять информацию, что люди своим мышлением не участвуют в его повествовании, а озабочены своими мыслишками, и это могло стоить им жизни... Да, не умеющим его слушать это неумение, эта тупость обходились всего только в жизнь. А потому все слушали его признательно, с долей восхищения; часовые спокойные, размеренные речи свидетельствовали об удивительной, сверхчеловеческой работоспособности мозга этого землянина...

Он и подле себя не держал бесталанных; тут каждого можно было назвать гением, хоть бы и гением в воплощении замыслов босса. В структуре аппарата секретаря ЦК Архимандритова люди работали по 48 часов в сутки! Спрессовывая время!

И потому, если случались теплые, почти душевные встречи, их следовало ценить особо. Когда та же Рогнеда Павловна позволит себе игривое:

– Ах, Арсений Алексеевич, почему у вас такой удачливый офицер? Можно подумать, крокодилы его спасли от вьетконговцев... *Шерше ля фам*, говорю я вам, *шерше ля фам*...

И Арсений Алексеевич позволял себе хитро улыбнуться в крохотные аккуратные усики, пропуская женские реплики мимо ушей.

...Но в тот вечер, когда Иван Михайлович Румянцов привез к боссу Эвелину Абрамовну Сарнавскую, он был всецело поглощен раздумьями. Ничем особенным в последнюю неделю референт не был занят, шла обычная текучка и обработка поступающей информации. Правда, он помимо всего читал документы, связанные с антарктическими экспедициями и иными событиями, происходившими в Южном полушарии. Таково было распоряжение босса.

Но даже в этом ему виделось затишье; ведь он не мотался по свету, не рисковал жизнью, не добывал сверхсекретную информацию, не проводил рискованные операции... Но так нередко бывает во время затишья перед бурей; затянувшееся монотонное безделье перед назревающими большими мероприятиями. И они не заставили ждать...

Насладившись обществом прекрасной Эвелины, Архимандритов вызвал к себе Румянцова.

– Ну что, мой каперанг... – И это обращение свидетельствовало и о хорошем расположении духа, и даже, сказал бы Румянцов, об особом доверии босса к нему, – тебе придется поучаствовать в одной очень сложной экспедиции. Удивляться ничему не следует, даже тому, что эта экспедиция может закончиться для тебя трагически... Но работу надо выполнить основательно.

Архимандритов, сидевший напротив, обвел взглядом комнату, словно окинув пространство всего земного шара и сосредоточившись на определенной точке. Румянцов сгруппировался, ловя каждый звук и каждый шорох.

– Много лет назад мы заинтересовались этим участком на Земле... И на этих словах каперанг ясно представил не виденный им своими глазами южный континент, антарк-

тический холод, отдающие ледяной синевой просторы, редких животных, стаи пингвинов, косяки рыб и фонтаны заплывающих сюда китов...

– Тогда сложилась обстановка, когда мир и международная общественность были заняты войной. Но, как ты понимаешь, для кого-то война – это миллионы жертв, а для кого-то – миллиарды долларов. И даже когда боевые действия продолжились в северной Африке между генерал-фельдмаршалом Роммелем и генерал-фельдмаршалом Монтгомери, и даже когда в Тихом океане бушевали сражения на воде и в воздухе между американцами и японцами, – южнее экватора никаких боевых действий не было. Ибо, как говаривали французские монархи, война – это не самое важное, она может подождать, когда речь идет о любви. Но нас интересуют вовсе не любовные интриги. Хотя это правильно, что у монархов есть дела поважнее. Архимандритов незаметно нажал кнопку, расположенную в столешнице и тут же справа открылись дверцы бара, оттуда выехал поднос, на котором стояли прохладительные напитки. Он налил себе соку и предложил референту. Румянцов кивнул, взял запотевшую бутылку с минеральной водой и наполнил хрустальный стакан. Легкое шипение приятно улаждало слух. Оба выпили с наслаждением. После чего Архимандритов продолжил:

– Кое-что ты уже знаешь. Кое-какие бумаги для ознакомления получишь. Некоторые сведения я дам тебе сам. Готовься. И хотя освещение в кабинете оставалось ровным, референту почудилось, что свет потускнел, словно пространство медленно закрывала тяжело плывущая туча.

– В начале 1941 года из территориальных вод Советского Союза, с военно-морской базы вышли три мощные подлодки класса «Л» («класса «Ленинец»», – машинально отметил в сознании Румянцова). Планировалось, что выйдет четыре. Но во время испытаний одна подводная лодка таинственно исчезла в Мотовском заливе, на севере... История ее гибели так и осталась для командования флотом и для правительства тайной. Но не для Секретариата товарища Сталина. И мы-то с тобой хорошо знаем, что все тайное рано или поздно становится явным. Так вот, три лодки вышли в Атлантику и по пути следования на юг сделали несколько остановок с заходом в Гвинейский залив, затем резко взяли курс на запад и проследовали к одному из островов Карибского бассейна. После небольшого ремонта, отдыха экипажей и пополнения запасов три боевых подводных корабля взяли курс вдоль Южноамериканского континента, в сторону ревуших 70-х широт к проливу Дрейка. После длительного и непростого плавания лодки вновь зашли в одну из гаваней на побережье, где были встречены группой людей. Кто эти люди, ты узнаешь из бумаг. Все необходимые документы ты получишь. Архимандритов еще раз налил себе полный стакан сока; «Наверняка Эвелина замотала», – вскользь подумал Румянцов, прогоняя крамольную мысль, силой воли вытирая ее из сознания.

– Эти люди, встречающие наши подлодки, предложили морякам перед последним броском отдохнуть в великолепной гостинице в горах. Как ты понимаешь, отказа быть не могло. Об этой гостинице и в то время, и тем более после Второй мировой, почти никому ничего не было известно. Итак, моряки, оказавшиеся там, уже никогда не вернулись на свои корабли. Вместо них лодки заняли ранее прибывшие сюда высокопрофессионально подготовленные подводники из нашей страны. И это было правильным решением. Почему, – ты поймешь. Этот большой переход в южную часть латиноамериканского континента был сопряжен с огромными трудностями, и довольно негативно сказался на моряках. Я дам тебе конфиденциальные материалы по этой экспедиции, из которых ты многое поймешь, хотя в них изложено строго казенным языком рапортов.

Архимандритов усмехнулся и сам себя поправил:

– В твоем присутствии надо говорить рапортов, – как принято у морских волков. Тщательно изучив и проанализировав, ты должен наметить план действий. Их глаза встретились. Несмотря на то, что Арсений Алексеевич был росту небольшого, а его референт обладал

крупным телосложением и был высоким, их глаза встретились на одном уровне. У секретаря ЦК все было продумано и подогнано таким образом, чтобы никто не восседал, не чувствовал себя *выше*...

– Имей в виду, что все три наших экипажа проработали там до 1947 года. После войны американское командование военно-морских сил по согласованию с правительством осуществило две экспедиции в Антарктику. Вернее, три, но третья запланированная экспедиция американских ВМС там же исчезла. Тебе надо будет ознакомиться с материалами этой экспедиции и пройти тем же маршрутом в Антарктике. Наш проект будет называться «*Снежный юг*». Архимандритов сделал долгую паузу, словно считывая то, о чем думает его офицер.

– И еще. Тебя волнует, что произошло с тремя советскими экипажами. Если я скажу, *что* произошло, это не будет полным ответом на все вопросы. Тут важно, чтобы ты ответил себе сам. Тебе придется остановиться в той самой гостинице в горах; это одна из наших секретных баз с того времени. И не удивляйся, если... если где-то там встретишь совсем, казалось бы, не причастных к твоим делам людей. Возможно, даже тех, с кем ты виделся недавно. А теперь иди. У меня много более важных дел, чем те, о которых мы с тобой говорим.

Да уж; каперанг Румянцов понимал: то, что для него становится настоящим открытием, для его босса – давно познанное и пройденное. А тем более те давние операции, где использовалась не только разведка Архимандритова, но и его подводный флот, не имеющий никакого отношения к каким бы то ни было военным ведомствам. Потому что более сильного и более закрытого ведомства, чем аппарат секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова, в советской стране не было!

Иван Михайлович поднялся и негромко, чтобы не раздражать босса, произнес *королевскую* фразу:

– Есть дела поважнее, чем война...

До его затылка и ушей донеслось едва слышимое, шипящее:

– Вот-с, вот-с-с...

Глава 5

Румянцов, напряженно изучая зарубежные источники об Антарктиде и секретную информацию из архивов аппарата Архимандритова, да и получая сведения при личных разговорах с боссом, особо отметил, что некоторые страны начали делить между собой Антарктиду еще задолго до начала Второй мировой войны.

Настолько рьяно, словно пытаюсь вырвать из чьих-то рук ценный приз, врученный давним отважным открывателям шестого континента самими богами...

Советское правительство, озабоченное действиями ведущих государств Запада в изучении южных приполярных широт, в январе 1939 года заявило официальный протест правительствам этих стран (*о Германии речь в заявлении не шла*), что их антарктические экспедиции занимаются необоснованным разделом на секторы земель, некогда открытых русскими мореплавателями и исследователями Беллинсгаузен, Лазаревым, Лисянским, Крузенштерном и другими.

Война, охватившая полмира, на время прекратила споры. Когда Великобритания и Норвегия оказались втянутым во Вторую мировую войну, и им стало не до Антарктиды, – особый, настойчивый интерес к южному континенту проявили до поры времени нейтральные, но агрессивные Америка и Япония.

Через полтора года после окончания боевых действий на Тихом океане в руках у советского командования оказались качественно сделанные аэрофотосъемки всего побережья Земли Королевы Мод, начиная от мыса Тюленьего и заканчивая заливом Лютц-Хольм в 3500 км только по прямой. По мнению американцев, русские после войны просто отняли у *поверженного врага* все эти данные по аэрофотосъемкам, осуществленные немцами еще в 1938 году.

Как понял из представленных ему бумаг Румянцов, для съемок использовались самые уникальные самолеты Советского Союза, построенные в канун войны, – Петляков8, способные совершать дальние перелеты без дозаправки в воздухе (как таковая, дозаправка в воздухе тогда еще не существовала, но испытания в СССР уже проводились). Благодаря встроенному за кабиной летчиков пятому двигателю АМ-35, служившему в качестве воздушного компрессора, нагнетающего воздушную подушку перед четырьмя двигателями на плоскостях, самолет Пе-8 мог забираться далеко за 10-километровую высоту, то есть, почти в стратосферу.

Из этого выходило, что съемки либо принадлежали русским, либо проходили в рамках совместного проекта между Советским Союзом и фашистской Германией.

Новая тема все больше увлекала каперанга. Перспектива оказаться в самых южных широтах, и даже не как участник научной экспедиции, а как свидетель Истории, которому позволят заглянуть за кулисы, в *таинство тайное* ее охраняемых закоулков, – действительно впечатляло. Но, – понимал Румянцов, – за всем этим стоит что-то еще, что очень важное для его босса. Ведь, даже познавая, ему придется принять участие в какой-то опасной игре, могущей закончиться его физической гибелью. Разве Архимандритов не сказал о том же? Сказал. Только вот смысл предстоящей операции был пока не понятен, не известен.

Однако спрашивать раньше времени не полагалось, – у Папы Сени за преждевременное любопытство назначается один исход: смерть.

Так что придется пока накапливать знания и просчитывать все возможные ходы босса. Да и ходы всех окружающих его, каперанга Румянцева, людей.

Каким-то необъяснимым, *сто шестым чувством самосохранения* Румянцов ощутил, что в предстоящей операции не все пройдет так гладко, как представляется. Но главное, он

пока не мог понять: что же следует предпринять для предотвращения возможных опасностей и «подстав»?

И, ощущая опасность, он был недалек от истины.

В связи с тем, что СССР после войны потерял свое влияние в Антарктиде, у Архимандритова неоднократно возникало стремление вернуть себе утраченные позиции. Но что конкретно там его привлекало? – этого пока каперанг не знал. Ведь не просто же земля, открытая русскими, не просто ее богатства, пусть даже и несметные... ведь не богаче же, чем земля Сибири... А что Архимандритов хочет именно влиять на то, что происходит в Антарктиде, – это-то как раз Румянцов и осознал. Или влиять на тех, кто «подгребают» континент под себя и сам диктует правила остальным... В какой-то момент пришло понимание, что секретарь ЦК Архимандритов втягивается в новую игру с титаном Бросманом, – своим давним знакомцем. С Дэвидом Бросманом, *триединым* в зловещей ипостаси: друг, враг и соперник.

Когда-то этот влиятельный человек в течение четверти века был большим другом вождя советского народа товарища Сталина, вплоть до его кончины. Этот «друг» представлял интересы США в Москве, работая в советской столице в предвоенные, военные и послевоенные годы. Он прекрасно владел русским языком; это мог утверждать и Румянцов, потому что не так давно, еще будучи капитаном 2-го ранга, он, выполняя распоряжение босса, прилетал в США для встречи с Бросманом и передачи крупного алмаза, принятого им за «Кавалергардский» алмаз, символ Власти.

О том, *кто* такой Бросман, каперангу Румянцову было известно; но многое о нем, его делах и его взаимоотношениях с Арсением Алексеевичем Архимандритовым оставалось *за кадром*...

Румянцов, только припомнив этого американца и увязав его с теперешними планами босса, как-то вскользь отметил, что Архимандритов «подсовывал» под заокеанского друга Аду, дочь коллеги по ЦК и Политбюро Андрея Игнатьевича Ютвакова. Рассчитывая, что еще вдовый тогда Дэвид возьмет Аду Андреевну в жены. Игра велась изощренная и красивая; горячая черноволосая мегера, имея – при всем при том – еще и свои виды на офицера Архимандритова Ивана Румянцова, и не раз подставляя того под удар, так и не смогла искушить душу осторожного немолодого американского политика. Дэвид Бросман тогда женился в третий раз, взяв в жены Элли Мальборо и обставив, как он считал, своего заклятого друга. Но... и Элли Мальборо, как и первая жена Бросмана из далеких 30-х годов XX века Мари Литни, была личным агентом Арсения Архимандритова, Папы Сени-Сатаны.

В этих хитроумных схватках, длящихся не одно десятилетие, сражались не люди, а – интеллекты, не человечьи умишки, а – сверхчеловеческие силы; разумы, внедренные в примитивные людские скафандры...

Иногда Архимандритову казалось, что в его отношениях с Бросманом все чаще что-то не стыкуется, не срабатывает. И однажды понял: это связано с... отсутствием товарища Сталина. Сталин всегда находил искомые решения, и, – размыслил Арсений Алексеевич, – наверняка и антарктическая проблема была бы уже решена гением *вождя народов*. Но после смерти Иосифа Виссарионовича Архимандритов остался наедине с Бросманом, находившимся теперь фактически на вершине, где восседают некоронованные короли Америки. Этот *диавол*, американский Satan, правивший чуть ли не всеми делами на Земле, стал и оппонентом, и самым ярким противником, и самым верным (в силу своего постоянного присутствия во всех глобальных делах) другом советского *сатаны*. Архимандритов понимал, что без Бросмана ему никогда не решить антарктической проблемы. Но и идти с ним в связке он не желал и всячески оттягивал тот момент, когда им придется встретиться для обсуждения планов; ведь Дэвиду Бросману обязательно станет известно о том, что затевает Архимандритов вокруг шестого континента.

Да, Арсений Алексеевич Архимандритов признавал над собой только одного лидера – товарища Сталина; *да и то до поры, до времени...*

Просчитывая и воплощая свой замысел, секретарь ЦК решил подключить к игре полковника медицинской службы Станислава Исаевича Гейер-Генерозова, сына своего заместителя генерала армии Исаия Львовича Гейер-Генерозова. Генерал армии уже давно был правой рукой Архимандритова по внешнеполитическому скрытому планированию и акциям; друг его темной молодости, уцелевший в горниле революции и репрессий благодаря покровительству ставшего всесильным кореша. Когда молодой Арсений попал на службу в Секретариат товарища Сталина, его старший друг Исай оказался незаменимым помощником в осуществлении многих гнусных авантюр. И теперь Архимандритов поручил координирование «Снежного юга» генералу армии, сказав, что и эту экспедицию, и всю операцию будет осуществлять его сын. Указав также, что ответственным за осуществление проекта будет назначен заместитель Гейер-Генерозова по морской части вице-адмирал Александр Кириллович Белых.

Что в операции по Антарктиде должен участвовать и Румянцов, генерал армии знал от Архимандритова. Но цели и задачи каперанга ему были неизвестны. А спрашивать он не посмел, хорошо зная, что бывает в их ведомстве с любопытными... Да, в *подвал* старый генерал явно не спешил; только подумав о возможном завершении земного бытия в подвалах своего босса и давнего товарища Папы Сени, Исай Львович готов был предать *всех и вся...*

А без расспросов и уточнений у Гейер-Генерозова сложилось мнение, что он – основной координатор проекта, а его сын – основной участник будущего плавания.

Полковник Станислав Исаевич был приемным сыном Исаия Львовича Гейер-Генерозова, усыновленный еще в младенчестве и вознагражденный за страдания сиротства звуочной фамилией. Мальчик был поздним ребенком товарищей Исаия, ставших в первый год после окончания Второй мировой «жертвами энкавэдэ». Исай Львович, за множеством дел не уследивший за судьбой Иды Мейерович и Лейбы Ильина, все же слишком хорошо помнил их совместное отрочество, насыщенное участием в Гражданской войне, работу в штабах Белой армии в качестве советских агентов, выявление после войны находившихся в подполье белогвардейцев, а также идейную работу по так называемой консолидации рядов партии, становящейся после провокационных дискуссий единственной на широком политическом поле необъятной страны... Он хорошо помнил как дружили их живущие по соседству родители, братья и сестры, объединенные революционным прошлым, арестами, обысками, мотанием по заграницам, учебой в террористических центрах знаменитой партийной школы в Лонжюмо, пылками разговорами, писанием лживых прокламаций под безобидными русскими псевдонимами, ссылками, идейным злобствованием, ненавистью к чистой России, ее народам и богоданному Императору... И в память этого – для них, вырвавших власть, он, успешно продвигающийся в новой политической системе *социализма*, усыновил осиротевшего мальчугана.

С годами в пареньке проснулись таланты. Что, безусловно, радовало Исаия Львовича. К 30 годам его сын стал кандидатом технических наук в области космической связи, а чуть позже блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Станислав Исаевич – уникальный хирург, и если бы его имя не было засекреченным, то мировая научная общественность, особенно в области космической медицины назвала бы его светилом современной науки. С его мнением считались выдающиеся советские ученые, чьи имена не секретили. Причем, считали его не только маститым среди ученых мировой медицинской науки, но и экспертом в сфере антропологии, генетики и в гинекологии. Его блистательные операции по перемене пола – через созданную им школу – завоевали лидирующее место в мире.

Несколько лет назад, тогда еще подполковник медицинской службы Станислав Исаевич стал заместителем ведущего референта Архимандритова – капитана 2-го ранга Ивана Михайловича Румянцова. Одновременно Станислав Исаевич возглавлял уникальный спец-объект в Хибинах, состоящий из нескольких засекреченных лабораторий.

Во всей дальнейшей истории и Арсений Алексеевич Архимандритов, и Станислав Исаевич Гейер-Генерозов, и Дэвид Бросман, и Иван Михайлович Румянцов, и некоторые другие *вольные* или *невольные* участники проекта «Снежный юг» станут разыгрывать свои партии, пытаясь обыграть друг друга; некоторые, правда, будут пытаться не столько обыграть, сколько сохранить свою жизнь, и тем самым победить, преодолеть уже казалось бы *неотвратимое*...

Но тогда ведущий референт Румянцов еще не знал, что босс готовил к крупномасштабной операции и экспедиции в сторону Антарктиды не только его.

Пока что каперанг Румянцов понимал, что у него в запасе есть не менее полугода до начала операции, а значит, он успеет многое предпринять.

Глава 6

Незаметно, день за днем, осень листала свой календарь, радуя москвичей то ясной и солнечной погодой, то хмурым, но теплым дождем. Пока не настал ноябрь, неожиданно начавшийся со снега и довольно неслабого мороза.

Вслед за празднованием 7 ноября очередной годовщины главного советского праздника, называемого *днем Великой Октябрьской социалистической революции*, каперанг Румянцов получил отдых на двое суток. За последние более чем два месяца он спал мало, чаще по два-три часа в сутки; иногда возникало столь острое желание сна, что память тут же и словно назло подсовывала ему райские видения времени его пребывания в отпуске, когда он вволю отсыпался в сочинском санатории под пальмовый шелест и шуршание волн. Только усилием воли ему удавалось прогонять эти чудесные воспоминания, прежде чем приступить к работе. А вот теперь, в наступившее утро 8 ноября, когда можно было спать хоть *день деньской*, он, подчиняясь внутренней пружине, проснулся ровно в шесть. Попытки заставить себя закрыть глаза и задремать, не увенчались успехом. Иван лениво потянулся, до хруста в суставах, и взглянул в окно, где еще морозно бушевала ночь. О стекло били крупные хлопья снега, налетая волнами в порывах стылого ветра.

Иван закутался плотнее в одеяло, и, обхватив руками подушку, лежал в сумраке, вглядываясь в давно знакомое пространство спальни. Так, бездумно и бездейтельно пролежал он до полудня.

Наконец встав и приняв горячую ванну, он выпил две бутылки сока, сел за стул, чтобы полистать журналы и просмотреть газеты, как зазвонил телефон.

«Кого это нелегкая?»; Иван не спешил поднимать трубку в надежде, что звонивший посчитает, что никого нет дома. Но аппарат упорствовал, и Румянцов наконец взял трубку. Связь была отличной, и вовсе необязательно было прикладывать трубку к уху, чтобы услышать голос. Он сразу понял, что с ним говорит Рогнеда Павловна.

Выслушав ее тираду и поздравления с праздником, он также пожелал ей всяческих благ в столь праздничный день.

– Зря вы забыли меня. С тех пор прошло ужас как много времени! Могли бы и посетить народную артистку, хотя бы из уважения к ее выдающимся заслугам перед нашей партией и народом. Голос говорившей звучал звонко и мило, и сразу перед взором предстала эта очаровательная женщина.

– Это что, дорогая Рогнеда Павловна, официоз или вы кому-то стремитесь показать вашу лояльность родной партии? Иван знал, что телефоны во всех коттеджах, даже в тех, где он останавливался хоть единожды, всегда тщательно прослушивались.

– Ну что вы, как это я, – внучка и дочь революционеров ленинской когорты – могу думать иначе? А вот звоню я для того, чтобы пригласить вас сегодня на праздничный обед. Приходите к четырем... или, может, за вами прислать авто?

– Нет-нет, – поспешил отказаться Румянцов. – Я признателен вам за приглашение, но знаете, вчера мы с боссом так попраздновали, что, право... Но звонившая была настроена решительно в деле заполучения к себе такого гостя.

– Никаких отговорок! Я жду вас, и все тут! Иначе не только босс на вас рассердится.

– Ну, хорошо, хорошо, сдаюсь. Я буду к четырем.

Он где-то слышал, что любимыми цветами Рогнеды Павловны были орхидеи, и, собравшись через пару часов, Румянцов заехал в цэковскую оранжерею. Помимо разнообразных цветов, выращиваемых в этой элитной оранжерее, здесь в любое время года можно было приобрести свежие тюльпаны из Голландии. Проигнорировав яркие тюльпаны на сочных ножках, каперанг купил огромный букет орхидей. Затем прошел в цэковский спецмага-

зин, взял набор французского шампанского, несколько бутылок коньяка и подарочный комплект шоколада. В последнюю минуту ему пришла блажь взять еще золотую цепочку тонкой работы швейцарских ювелиров.

Минута в минуту, ровно в 16.00 он вошел в элитную квартиру на улице Горького. Иван сразу понял, что кроме одинокой хозяйки и горничной больше никого нет; «Нехорошо, что с гостями такое напряжение», – подумал про себя Румянцов.

Горничная, проведя его к покоям хозяйки, как-то незаметно упорхнула в свою комнату, а представшая взору Рогнеда Павловна, облаченная в кимоно, театрально-царским жестом пригласила его в будуар. Примадонна и народная артистка, словно продолжая сцену из основательно забытого всеми классического спектакля, вдруг затянула неизвестную Румянцову оперную арию, исполнение которой требовало определенных манипуляций телом. Даже несмотря на солидный возраст артистки, несмотря на отсутствие музыкального сопровождения, голос Рогнеды Павловны звучал страстно и молодо. Сделав едва слышимый вздох, она поставила правую ногу на банкетку и протянула руку навстречу гостю. В тот же момент ее роскошное кимоно распахнулось, и Румянцов увидел обнаженное женское бедро.

Но разве в ее возрасте стоит выставлять оголенные ноги напоказ? – еще подумал он. Тогда это показалось ему странным, очень, очень странным... Что-то явно не совпадало! Что? – *тело и возраст*... наконец дошло до сознания... Румянцов еще раз внимательно посмотрел на *объект*, обнаружив, что прелестная ножка одета в тонкий шелк французских колготок, скрывающих некоторые возрастные недостатки тела. И все-таки тут дело не только в искусстве французских мастеров, – уверовал каперанг... С подобным уникальным несопадением возраста и физического тела он еще столкнется не единожды; и, наконец, узнает *что к чему*...

После исполнения арии и его искренних восхищений, высказанных вслух, они прошли в гостиную и сели за накрытый яствами стол: дама неопределенного возраста в кимоно и молодой, крепко скроенный мужчина. Но не успели они опуститься на стулья, как раздался коротко звучащий телефонный звонок. Это побеспокоила горничная. Хозяйка подняла трубку и распорядилась: «Приглашай!» А вскоре сюда пожаловали Эвелина Абрамовна Сарнавская в сопровождении сияющего лучезарной улыбкой Станислава Исаевича Гейер-Генерова, облаченного во фрак.

Когда все сели за стол и посыпались поздравления и приличествующие событию поцелуи в щеки, Румянцов наконец понял, что у Рогнеды Павловны сегодня день рождения. Очень кстати пригодилась и золотая цепочка, предусмотрительно купленная в цэковском магазине... Каждому врученному ей подарку Рогнеда Павловна выдавала свой артистический реверанс; получил свою порцию и Румянцов. Растроганная именинница схватила его и, притиснув к пышной груди, сладострастно расцеловала.

За столом завязался разговор, восхваляющий хозяйку, сыпались тосты, уверения в любви частной и всенародной. И вдруг, когда гости чуть приустиали, Рогнеда Павловна сделала удивительное заявление:

– Мои друзья, в паспорте записано, что я родилась 8 ноября, не будем уточнять какого года. Но в действительности я родилась 6 февраля. И знаете, кто из великих женщин также родился в этот же день? Правда, несколькими годами позже...

Она, заигрывая, посмотрела в глаза мужчинам, младше ее самой лет на 30; и даже не искушенные в женской психологии могли бы увидеть промелькнувшее в ее глазах блаженство.

Эвелина Абрамовна отреагировав на ее слова, обвела сидящих за столом сияющими углями своих глаз, и красивым бархатным голосом спросила:

– Любопытно, милочка, что это тебя понесло в воспоминания о каких-то знаменитых женщинах? Ты что, в юности была склонна к иной любви, нежели к натуральной?

– Ну что ты, Эвелиночка, – Рогнеда Павловна ничуть не обиделась на скабрзность своей более молодой подруги. – Я говорю об одной знаменитости, но не актрисе, хотя она была удивительно талантлива, поразительно грациозна и артистична. Но ей не пришлось блистать на подмостках театров или на съемочных площадках. Во всем облике именинницы и в этих ее словах заключалась некая тщательно скрываемая тайна, так желаемая быть открытой милой Рогнедой Павловной. Да, бывают благоприятные моменты, когда из человека выплескивается то, что должно бы храниться, не причиняя никому вреда... Румянцову постепенно передалось настроение актрисы; тогда как Эвелина Абрамовна все еще была настроена игриво-цинично:

– Надо полагать, она посвятила свою жизнь какому-нибудь гению? Или гею?

– Ну что ты, как можно говорить так о величайшей женщине нашей эпохи? Это я, будучи старше этой удивительной женщины, могу о ней судить по-своему, как говорят, со своей колокольни. *Мне уже позволено...* В отличие от тебя, ведь ты родилась намного позже.

И хозяйка дома наигранно, чтобы не драматизировать ситуацию и не вызывать неловкости у молчаливо присутствующих мужчин, вздохнула; разница между Рогнедой и Эвелиной была не менее двух десятков лет.

Отметив заинтересованность мужчин, заинтригованных вступлением о самоотверженной незнакомке, хозяйка, красиво манипулируя облаченными в широкие рукава кимоно руками, и будто играя трагическую роль на сцене, с горечью и пафосом продолжила:

– О, она сыграла выдающуюся роль, в сравнении с которой роль Клеопатры ничтожна. Ибо Клеопатра силой своего диктаторского характера и сексуальной страсти стремилась подавить своих мужчин, которым вряд ли была верна. Тогда как *эта* женщина, может быть, обладала не менее страстным, чем у Клеопатры, телом, но удивительно кротким характером и величественной душой. Она никогда не высказывала свои мысли вслух, не выставляла себя напоказ. По истечении многих лет ее имя будет неотъемлемо от имени человека, которого человечество предаст анафеме. А она, как настоящая женщина, *не* предаст его...

Оглядев всех присутствующих, Рогнеда Павловна, округлив глаза, буквально прошептала:

– Утверждают, что она ушла с ним в ад.

– Любопытно, о ком идет речь, – поинтересовался Гейер-Генерозов. – Думается, не о жене товарища Сталина...

– Нет, не угадали. Отцом этой дамы и двух ее прелестных сестер был школьный учитель Фридрих Браун. Это вам о чем-нибудь говорит? Нет? Ну, я так и знала... Девушки учились в женской гимназии в Симбахе. И та, о которой я говорю, в 1929 году вернулась после учебы домой. Отец устроил ее в фотоателье к некоему Генриху Хофманну, возможно, родственнику, так как у него в родне по одной из линий были Брауны. И вскоре 17-летняя девушка уже снималась для модных журналов... обычно она позировала вполоборота, – такая таинственная и застенчивая фройляйн. Как-то в фотоателье появился мужчина, показавшийся ей крайне непривлекательным. Но, как она вспоминала позднее, ее поразили его рентгеновский взгляд, пронзавший насквозь. Сопровождавший его молодой человек, также мало привлекательный, – выше среднего роста, скуластый и с узким лбом, – представил гостя как господина Вольфа. Однако юная красавица даже не сочла нужным представиться вошедшим мужчинам, а, полная презрительного очарования, удалилась за шторы в боковую комнату. Но мнимый Вольф пришел во второй раз, и принес фройляйн золотое колечко на серебряном блюде, конечно же, отвергнутое ею. С тех пор дочь учителя долгое время ничего не слышала о своем воздыхателе. Пока судьба не свела их навсегда... Это была Ева Анна Паула Браун, родившаяся 6 февраля 1912 года.

...В комнате наступило молчание, слушатели, в том числе и Эвелина Абрамовна, притихли, – то ли от изумления, то ли от неслыханной дерзости рассказчицы; казалось, вдруг

отчетливо стало слышно биение сердца взволнованной артистки. Первым пришел в себя Станислав Исаевич Гейер-Генерозов, громко вспыхивший:

– Это вы о чем, Рогнеда Павловна? Вы – о Еве? Любовнице фюрера? Да можно ли сегодня такое говорить, да?!

– А почему бы и нет? – переспросила она. – Я же сказала, что *мне уже позволено...* И потом, я вам рассказываю только то, о чем по просьбе Сталина рассказывала ему лично, ибо мне пришлось быть близко знакомой с нею. Да, с Евой... Сталин, мне кажется, что бы вы все ни думали, довольно высоко ценил ее женственность, красоту, умение быть вовремя нужной. Словом, я ничего от Иосифа Виссарионовича не слышала о ней негативного...

– Но как вы могли слышать или не слышать, вы что, целые дни напролет проводили со Сталиным?

– Ну уж нет! – Рогнеда Павловна пыталась оставаться спокойной, возможно, уже жалея, что завела этот разговор. – Память мне точно еще не изменяет, и когда Сталин заводил разговор о Еве, то всегда отзывался о ней предупредительно и тактично. И говорил не как о любовнице фюрера, а как о его жене. Вам же должно быть известно, – она повернулась к Гейер-Генерозову-младшему, – как и вашему отцу, что фюрер и Ева обвенчались у христианского пастыря; и, должна я вам заметить, вовсе не в 1945-ом, а в 1943 году.

Конечно, Рогнеда Павловна уловила, что гостям не нравится эта тема; и хотя всем им дозволялось делать и знать всегда много-много больше, чем остальным советским людям, однако секреты о личностях, отданных цивилизации XX века на растерзание, хотелось оставить в забвении...

– Ну, хорошо, – как бы оправдываясь, сказала именинница, – я не буду больше говорить об этом.

Вечер продолжился. Эвелина Абрамовна предупредительно перевела разговор; краем уха Румянцов услышал, как она любезно предложила имениннице заехать примерить канадские сапожки, совсем недавно завезенные в спецсекцию ГУМа.

Но тут раздался короткий телефонный звонок. И опять Рогнеда Павловна ответила на сообщение горничной: «Веди!»

Глава 7

На этот раз в квартире появилась пара: симпатичная молодая женщина в сопровождении молодого мужчины. Гостей представила не хозяйка, а Гейер-Генерозов, отрекомендовав незнакомку как журналистку и свою близкую приятельницу Кати, или Катю. «А это ее младший брат», – добавил он, махнув в сторону; когда же вновь прибывшие вручили имениннице цветы, Станислав Исаевич направился к проигрывателю, занявшись музыкальным сопровождением вечера.

Минут через тридцать за Эвелиной Абрамовной прибыл автомобиль. Румянцов точно знал, какой автомобиль и куда он доставит ее. На роскошной вилле «Интернационал» Папа Сеня выкроил время для встречи с возлюбленной.

Когда Рогнеда Павловна, проводив подругу, вошла в гостиную, то застала танцующую пару: Гейер-Генерозов, полуобняв красавицу Кати, что-то шептал ей на ухо. Несмотря на то, что гостья почти ничего еще не сказала, лишь произносила какие-то междометия, каперанг понял, что женщина говорит с акцентом. Увидев хозяйку, Станислав Исаевич отпрянул от пассивности и налил в хрустальные фужеры шампанское. Еще раз подчеркнув красоту хозяйки в день ее рождения, и одаривая своего шефа каперанга Румянцева беглой ехидной улыбкой, объявил:

– Мои дорогие, хотя Рогнеда Павловна родилась 6 февраля, мы отмечаем день ее рождения сегодня, 8 ноября, на второй день советской власти. И это мне кажется символичным. Рогнеда Павловна, перебив говорившего, съязвила, как бы мстя за недавно прерванный рассказ о Еве, и переходя на «вы»:

– А не слишком ли вы зарываетесь, говоря, что это только второй день советской власти? За нее не только мой отец, но еще и дед дрались с помещиками и капиталистами. Словно не заметив сказанного, Гейер-Генерозов на едином дыхании продолжил:

– Итак, помимо этого большого праздника нашего государства и нашей очаровательной хозяйки, есть повод пригласить вас выпить за меня, – уникального и неповторимого... 6 ноября сего года, в канун величайшего нашего праздника, меня, как достойного сына партии и советского государства, родное Советское правительство и родная Коммунистическая партия удостоили высокого воинского звания «генерал-майор медицинской службы».

После этих слов он, торжествующе-насмешливый и ликующий, внимательно поглядел в лицо Румянцева. Но тот, заранее интуитивно почувствовав, что в тосте прозвучит что-то особенное, возможно, даже не слишком приятное для него самого, сосредоточил взгляд на пенящейся шапке благородного французского напитка. Приятельница Генерозова, сопровождавший ее братец, а за ними и хозяйка дома по очереди стали обнимать и целовать новоиспеченного генерала.

Румянцева практически ничем нельзя было удивить, он хорошо понимал, *кто таков* его заместитель, которого он практически никогда не видел и которому отдавал указания и распоряжения в редчайших случаях. И все же... как его обставили! Когда-то военные врачи носили зеленые околыши и окантовку; а с введением погон в 1943 году генералам медицинской службы вначале установили зеленые лампасы, а затем – малиновые, как у интендантов. Вот бы сейчас увидеть его с зелеными лампасами! – ни добро, ни зло промелькнуло в голове Румянцева.

Рогнеда Павловна, видя что Иван Михайлович не торопится поздравлять подчиненного, взяла его под руку и легонько толкая его в бок, прошептала:

– Ну же, давайте вместе.

Румянцов саркастически улыбнулся, и тогда она продолжила громко, для всех:

– Мы поздравляем вас с присвоением очередного и, надо полагать, не последнего генеральского чина. Я в этом и не сомневаюсь, ибо у генерала армии сын тоже должен стать генералом армии.

– К сожалению, такого звания, как у моего отца, в медицине нет, – обращаясь к Рогнеде Павловне ответил Гейер-Генерозов. А затем протянул свою рюмку, чокнулся с Румянцовым, и вроде как предлагая примирение, сказал: – Не переживай. Твоя адмиральская звезда не за горами. Поверь мне, я от папашки кое-что слышал. Он тебе начальник, а мне все же отец. Да и Папа Сеня к тебе благоволит.

Каперанг не обмолвился ни словом на вальяжную реплику. Он прекрасно знал, что сыночек Генерозова не только выдающийся ученый, но ко всему еще шельма и провокатор. Ему нравилось искушать многих коллег из различных отраслевых медицинских НИИ, втягивая их в авантюрные проекты. Те, погнавшись за славой и новейшими открытиями, за весомыми премиями, за очередными наградами и академическими званиями, вдруг были поставлены перед фактом, что Станислав Исаевич занимается уникальными проблемами ближнего и дальнего Космоса, и что у него имеются самые что ни на есть живехонькие гуманоиды, то есть, пришельцы с иных миров... От подобных сообщений «крыша» у неподготовленного, непосвященного человека, зовись он хоть ученым, хоть академиком, могла запросто поехать... Но чаще этот внутренний шок приводил к иным результатам. Встречаясь с иностранными коллегами на конференциях, некоторые из просвещенных Гейер-Генерозовым пытались осторожно сообщить, предостеречь, что в СССР достигнуты такие высоты в науке, коих остальной мир еще не знал и не ведал... Сообщение обычно вызывало удивление, тем более что те редкие ученые, которые также занимались проблемами Космоса и внеземных цивилизаций, во время конференций не распространялись о своей сверхсекретной работе. Зато «предателей» всегда хорошо слышали другие участники научных симпозиумов – *глаза* и *уши* ведомств СССР, тщательно отслеживавших болтунов от науки. Зачем это делал Гейер-Генерозов-младший? – в первую очередь, от презрения к коллегам, от болезненного желания унижить человека, покуражиться, и, конечно же, от восприятия себя, носителя сверхзнаний, равным богам...

И сейчас, объявляя о повышении, он намеревался унижить своего непосредственного начальника, капитана 1-го ранга Румянцова. Впрочем, что сделаешь, если его папа генерал армии и правая рука могущественного и всесильного Архимандритова? Злой червь словно укусил Ивана в самое сердце. «Ничего, всему свое время... и вам отомстится», – отпивая маленькими глоточками шампанское, подумал он; *и аз воздам...*

Повернувшись в Рогнеде Павловне, он взял ее руку в свою, осторожно сжал и как можно мягче предложил:

– Знаете что, Рогнеда Павловна, у меня появилась шальная мысль: а пойдемте, уединимся. Вы мне расскажете историю любви... возможно, своей, а возможно, вашей хорошей знакомой, о которой вы недавно говорили. И, может быть, мы с вами что-нибудь сотворим.

Рогнеда Павловна, изящно поправив кимоно, наклонилась к каперангу, и, касаясь губами мочки его уха, прошептала:

– Я весь вечер жду, когда вы меня пригласите.

Они уединились в большой комнате, из которой просматривалась спальня, дверь в нее была приоткрыта.

– Вы знаете, о возлюбленном Евы говорят многое, и что он гей, педераст, и что обожал свою племянницу Гелю. И будто бы во время сексуальных оргий он просил ее мочиться на него, и при этом рассматривал ее гениталии.

И что это послужило причиной самоубийства Гели. Много говорят о его физических недостатках. Будто личный врач Моррель оставил свидетельство, что у фюрера одно яичко меньше другого; другие утверждали, что у него вообще одно яичко, словом... Не буду пере-

числять все эти биологические недостатки. Их так легко приписать ушедшим. Ты никогда не думал, что умершие становятся беззащитными? Потому что не могут отстоять свою честь.

Рогнеда Павловна говорила очень серьезно. По всему выходило, что она много думала об этом.

– Знаю, что я была не единственной женщиной, которую Сталин отправлял к фюреру. Тогда я была еще совсем молода... молода и красива. Шел 1934 год. И... чтобы там ни оставили медики... они не смогли отрицать то, что во время его выступлений многие женщины пребывая в экстазе, мочились под себя, или даже испытывали сильный оргазм. Кто может почувствовать харизму мужчины и подтвердить, что он Мужчина? – конечно же, только Женщина... А этот был, каких единицы во всем огромном мире... Она внимательно посмотрела на Румянцова и он увидел как от воспоминаний ее глаза заполняются обильными слезами, так от солнца наливаются соком виноградные гроздья на крымских плантациях... Это сравнение растрогало Ивана, но он сидел не шевелясь, чтобы не потревожить Рогнеду Павловну, не сбить ее с вдохновительной, чувственной волны. Чтоб не расплакаться, не дать истечься слезам, женщина приподняла голову чуть выше. Ее голос звучал из глубины гортани. Оттуда, из кроваво-черной глубины, она гортанно пела, регулируя вход и выход воздуха.

– Пусть биологические недостатки, которые люди приписали возлюбленному Евы и оставили потомкам в назидание, останутся их личными недостатками. Ибо человек устроен так, что, поддаваясь влиянию окружающей среды и социума, наговаривает на другого любой негатив, исходя из собственных амбиций и своего личностного восприятия мира. И, знаешь, почему они так утверждали и утверждают?

Я открыла поразительное явление: *они завидовали ему!* Вот я, старая женщина, – она подчеркнула это с особой значимостью, – я знала столько уникальных мужчин... Наверное, я очень грешна. Но он, возлюбленный Евы, был поразительным мужчиной, и ни один врач, ни тот же Моррель не могли воспринимать его так, как воспринимала женщина. Да что могут все эти моррели, если их самих имеют в зад? Что знают они о психологии и физиологии великих мужчин? Они становятся смелыми только когда их кумиры отходят в иной мир... Я рада тому обстоятельству, что родилась... *бэз пэниса*, тем и горжусь, прожив столько лет.

Рогнеда Павловна улыбнулась, загадочно посмотрев куда-то в потолок, ее взгляд блуждал по люстре, по орнаменту стен, по мебели, проник в спальню, задержался на накрытой атласными покрывалами огромной кровати, затем опустил и пробежал к ногам Румянцова. Поднимая взгляд, она добавила:

– Мне не нужно знать, веришь ты или нет. Это, как говорится, – твои проблемы. «*А кто думает, что я несу антисоветчину, тот дурак*», – словно пробежала в голове Румянцова последняя, невысказанная артисткой мысль.

– Рогнеда Павловна, я польщен, что услышал от вас. Не буду говорить, верю я вам или нет. Мне действительно очень интересно, и не только потому, что я работаю в *таком* ведомстве... в каком, вы сами знаете. А невероятно интересно, как мужчине, который слушает женщину, которая была близка с выдающимися мужчинами нашей эпохи. Хотите, я вам признаюсь? Еще когда вы читали нам в академии лекции по риторике, я ощутил, что вы не от мира сего, что вы личность, и что через вас я прикасаюсь к миру великих. Даже если этих великих называют садистами, чудовищами... что-то во мне самом сопротивляется такому восприятию. Облаять можно и императора Константина, и императора Александра Великого, и того же Карла Великого, да и Бонапарта... Кому-то ведь всегда выгодно представлять других тварями и ничтожествами...

– ...особенно тем, кто этих *тварей* и *ничтожеств* возвращает, – рассудительно добавила Рогнеда Павловна и энергично поднялась с софы, отодвигая от себя яркие подушки с кисточками. – А теперь знаешь что, я переоденусь, и ты поможешь мне надеть пальто. Мы с

тобой проедем на мою дачу. Нет-нет, машину поведешь не ты, ты выпил. Там есть водитель, и ты его знаешь.

...Немногим более часа им понадобилось на то, чтобы оказаться на даче, окруженной редким леском. На улице было стыло, а в большом доме теплым, зазывным светом горело несколько окон. Работники готовились к приезду хозяйки.

Они вышли из машины, и Рогнеда Павловна предложила Ивану прежде чем войти в дом, прогуляться по занесенной крупными снегами аллее. Словно прячась от порывов ветра, она еще крепче прижалась к молодому мужчине.

– Молчи и слушай. Я знаю, какой ты осторожный. Знаю, что в скором времени тебе предстоит длительная и очень сложная командировка. Не удивляйся, если в процессе этой командировки ты встретишься со мной... даже если встретишься не единожды. Не удивляйся также, если я буду инициировать знакомство с тобой. Не удивляйся, если на твоих глазах я буду преобразовываться, превращаться в нечто иное, неведомое тебе...

Она взяла собеседника под руку, и что-то хотела еще рассказать таинственное, и, как ему показалось, чертовски любопытное для него, как вдруг Румянцов ощутил, что идущая рядом с ним пожилая женщина светится каким-то особым свечением. И эта ее энергетика, исходящее изнутри свечение, объединили их, стали каналом, по которому каперанг получал информацию прямо с чужого мозга.

Отчетливо осознав это, Румянцов больше не удивлялся; он уже знал многие тайны, ко многим тайнам ему предстояло еще прикоснуться.

– А ты знаешь, – *рассказывала* Рогнеда Павловна, – что Ева любила не только своего возлюбленного? В один год, когда я в очередной раз приехала в Германию, она с *ним* вместе приехала в Крым. Они встретились где-то в Магараче: Ева и товарищ Сталин, и провели там бурную ночь. И она забеременела от нашего вождя, забеременела в первый и последний раз. Ее возлюбленный фюрер, оставаясь без нее на целую ночь, знал, с кем она... как знал после, чьего ребенка она носит под сердцем.

Рогнеда Павловна с силой сжала его руку, повернулась к нему лицом.

– Ну, как? Все мои мысли посетили твой мозг?

Невзирая на сгустившуюся темень, каперанг вдруг увидел совершенно другое, незнакомое лицо. И подумал: «А ведь в академии она читала не только риторику. Она читала нас, балбесов! Почему же не научила умению снимать информацию с другого мозга и умению передавать ее в другой мозг?»

Когда они вошли в дом, и он помог Рогнеде Павловне снять пальто, он вновь не узнал ее. Она была все в том же платье, облегавшем ее стройную фигуру, которое она одела перед тем как выехать на дачу. Но он не заметил ни чуть обвисающего от возраста бюста, ни выпавшего животика, ни дряблости рук и шеи... Но более всего его поразило ее лицо. Оно было один к одному к тому лицу, проявленному на фотографиях 30-х годов, которые он видел у нее в квартире. На одной из них, – он отчетливо помнил, – было написано: «1934 год, Зеленый мыс»; где она в закрытом купальнике лежала на берегу, смешливо принимая налетавшую на нее волну. Этот яркий в движении момент и запечатлел фотограф.

Да, это была она, пришедшая из того 1934 года! Перед ним стояла очаровательная, страстная Рогнеда, возникшая из прошлого...

Ночью ему приснился Зеленый мыс и лежавшая в волне прибой женщины в закрытом купальнике, а рядом с ней мужчина с выющимися волосами, чье лицо, показавшееся ему знакомым, медленно расплывалось постепенно мутнеющим пятном...

Проснувшись, Румянцов поднялся с постели, прошел в туалетную комнату и принял душ. Услышав, что на кухне кто-то хлопочет, он подумал, что это хозяйка дома. Но там он увидел только личного повара Арсения Алексеевича Архимандритова Серафиму. Она веж-

ливо улыбнулась, поздоровалась, аккуратно присела, еще раз улыбнулась и немного певучим говорком произнесла:

– Иван Михайлович, Арсений Алексеевич в кабинете. Он вас ждет.

Тут же скоренько переодевшись в костюм, и уже минуты через две войдя в кабинет, Румянцов предстал перед боссом.

– Что ж ты так крепко спишь?

– Наверное, потому, что вы предоставили мне двое суток отдыха, и сегодня уже второй день. Отсыпаюсь...

– Хорошо, хорошо, – добродушно махнул рукой Архимандритов. – Скажи спасибо, что хозяйка на тебя не рассердилась – оставил ее вчера в одиночестве и ушел спать.

– Да, нехорошо получилось с моей стороны. Она, надеюсь, сейчас будет.

– Будет, только не здесь. Сейчас, думаю, самолет, в котором она летит, с минуту на минуту приземлится в НьюЙорском аэропорту.

И только теперь, взглянув на часы, Румянцов понял, что с того времени, как он пожелал Рогнеде Павловне «доброй ночи» и ушел спать, прошло не менее 14 часов.

Глава 8

Арсений Алексеевич Архимандритов познакомился с Рогнедой Павловной Чаковской в конце 1926 года по возвращении из многомесячной зарубежной командировки. За несколько лет до того родители Чаковской по секретному заданию партийного руководства посетили несколько стран Европы, в том числе и Великобританию. В 1920-м, когда командировка отца Ниеды, как девочку называли домашние, уже завершалась, произошло невероятное, прямо таки трагическое событие.

В тот далекий год Рогнеде исполнилось 12 лет, но она уже выглядела миниатюрной девушкой с развитой грудью и привлекательными бедрами. В отличие от тела ее беспечный ум полностью соответствовал возрасту.

Однажды вместо послеобеденного сна, обнаружив, что мать слишком занята своими делами, чтобы обращать на нее внимание, а домработница удалилась, Ниеда потихоньку выбралась из дома и направилась в старинный парк, в глубине которого был заброшенный древний замок. Она приходила несколько раз в этот таинственный парк с родителями, но ей ни разу не позволялось приближаться к замку, пользующемуся, как она слышала, дурной славой. К тому же древний замок располагался в самом глухом углу парка, отдаленном и оттененном старыми деревьями от остального мира. Далее, за ним, шли заросли, переходящие в практически девственный лес. Приблизившись к сооружению, можно было увидеть, что некоторые части некогда помпезного замка подверглись частичному разрушению, заросли плющом и покрылись зеленой плесенью. Но это только подчеркивало величественность здания и придавало страшную таинственность имени автора или владельца, выгравированному на самой вершине ротонды.

Но старые надписи мало заинтересовала Ниеду и она, протиснувшись в приоткрытую тяжелую дверь, вошла вовнутрь. День был довольно пасмурный, в высокие и узкие арочные окна просеивался тусклый свет. Где-то высоко под куполом бельведера имелось большое отверстие, сквозь которое время от времени пробивались светлые лучи на мгновение выглядывавшего из-за туч солнца; в полумраке огромного мраморного холла прозрачные лучи с блестками освещенной пыли представлялись девочке волшебной дорогой, по которой в старинный замок спускаются добрые и злые феи. Ей захотелось подняться к самой вершине купола, она даже сделала несколько шагов вперед, к зыбкой дорожке, как вдруг почувствовала, как кто-то сильный схватил ее за плечо. Не успев даже вскрикнуть, она стала терять сознание от того, что этот кто-то прижал к ее лицу влажную тряпку с резким удушающим запахом.

Ниеда пришла в себя в большой темной комнате, освещенной множеством свечей. В полумраке она увидела выполнявших плавные движения людей в черном, показавшихся ей исполнителями сказочного восточного танца. Но сказочные феи, или духи не внушали доверия. Ниеда захотела закричать, но не смогла. Ее рот был словно заклеен липкой лентой. Захотела вскочить и броситься из комнаты, но руки и ноги девочки оказались привязанными к спинкам кровати, причем ноги ребенка были сильно раздвинуты, и все ее тельце обнажено. Ей оставалось лишь расширенными от страха глазами следить за движением черных теней.

Неожиданно с фигур сползли черные одежды, и оказалось, что комната заполнена обнаженные мужчинами, которые по очереди подходили и насиловали Рогнеду, выполняя короткий и мучительный для жертвы ритуал. Ей повезло (если можно так представить ситуацию), что в группе фанатиков не было крепких самцов... Пройдет много лет, и Рогнеда Павловна узнает, что в подобных ритуалах могли участвовать лишь *недо-мужчины*; но к тому времени она познает множество тайн психики, психологии и физиологии Человека, и сама будет причастна к уничтожению человека, как существа думающего, мыслящего...

А тогда ее продержали в комнате связанной, не давая ничего кроме воды, трое суток. За это время сквозь ее тело прошло множество дьявольских теней; так участники оргии соединяли себя и жертву с миром демонов, – как было ей дано понять...

Но в какой-то момент, когда Ниеда уже отрешилась от всего мира, к ней пришла другая тень, с мягкими руками и улыбкой из-под закрытого темным покрывалом лица, развязала затекшие руки и ноги, отвела в ванную комнату и опустила ее в густую и вязкую массу. Ниеда не могла знать тогда, что жидкость, в которой ее купали, была... кровью некоторых из тех, что в течение минувших дней и ночей насиловали ее.

Тогда она вообще не могла ничего понять и воспринять. Но после этого обряда девочку возвратили в мир людей, просто обрядив в чистые одежды и выпустив на волю. На выходе из замка незнакомец вручил ей на прощание визитку, на которой было написано: *«Бафомет. Верховный и святейший правитель Ирландии, Иона и всех британцев, которые находятся в святилище Гносиса».*

В день, когда юная Рогнеда пройдя посвящение, получила памятную визитку, величайший масон первой половины XX века Эдвард Александр Кроули создал новое масонское общество «Серебряная звезда», начав выступать с публичными проповедями, вещая что «секс является средством овладения магией и общения с миром демонов». Всем женщинам, которыми пользовался Кроули, наносили на тело татуированный знак «Зверя» и колдовские пентакли. Масон Кроули оставил эти знаки и на теле Рогнеды Чаковской. В самых страшных снах он будет приходить к ней в образе чудища, с прядью волос, выложенных на голове в виде фаллоса. И зыряка горящими глазами, станет манить тонким пальцем и называть своей «блудницей в пурпуре», – по аналогии с библейской женой, которая «блудодействовала с антихристом».

...Все это и многие другие подробности станут известны Румянцову по проистечении еще нескольких лет. Но прежде ему придется пройти невероятные испытания на прочность физического тела и божественного духа...

Поздним вечером, когда капитан 1-го ранга Иван Румянцов заснул крепким богатырским сном, на даче Рогнеды Павловны появился Арсений Алексеевич Архимандритов. Устроившись напротив, он спросил хозяйку дома:

– Что у нас в Западном полушарии и как ты со своими миссионерами готовишься встретить Румянцова?

Она чуть настороженно взглянула на босса. Когда-то он был ее страстным любовником. Потом, выполняя его задания, она стала любовницей многих сильных мира сего. Сейчас, по происшествию десятилетий, она оставалась всего лишь старой женщиной, обученной *искусству превращения* и умению быть всегда нужной. «Не такие уж плохие качества в таком возрасте», – подумала она, и ощутила как собеседник внушает ее мозгу иную мысль: «В твоём возрасте не об этом надо бы подумать, а о душе...». И, словно отвечая ему на его *волне*, она зло опротестовала: «Моя душа давно принадлежит другому миру, с тех пор как я сама стала принадлежать Сатане».

Продолжая разговор, но теперь уже вслух, Арсений Алексеевич как бы утешил:

– Ну что ты говоришь, ведь твоя старость – это твоя мудрость, твоя губительная сила. Для тебя никогда не существовало преград в развращении самых сильных духом мужчин на земле.

И Рогнеда Павловна торжествующе улыбнулась, вновь, в который раз за один вечер, помолодев на глазах.

Глава 9

С подмосковной дачи секретарь ЦК Арсений Алексеевич Архимандритов и его ведущий референт капитан 1-го ранга Иван Михайлович Румянцов вернулись в середине дня. И сразу же босс приказал пройти с ним в смотровой зал, где показал один из своих прелюбопытнейших фильмов. Вернее, несколько коротких цветных фильмов конца 20-х – начала 30-х годов XX века, снятых лучшей в стране аппаратурой, имевшейся в ведомстве Архимандритова, как говорят, в предостаточном количестве. У него вообще все было лучшее: лучшая техника, лучшие специалисты, достоверные сведения *обо всем* и *обо всех*. Понадобится, – как-то убедил себя Румянцов, – он раздобудет генный код Иисуса Христа...

И вовсе не зря работают на Папу Сенью в аппарате ЦК крепкие парни из всех родов войск; крепкие люди завербованы и служат верой и правдой, за хорошие деньги, во всех силовых и научных ведомствах огромной страны.

И что тут придумаешь нового, характеризуя Папу Сатану? Арсений Алексеевич – из тех, кто точно знает, чего хочет. *Соратник и сподвижник товарища Сталина, его мозговой центр*. Тогда в стране власть удерживала черная троица под общим руководством Генсека Сталина: его первый ас-летчик Салованов, низкорослый тщедушный дьявол Архимандритов и начальник секретариата товарища Сталина Поскребышев. Все они – интеллектуалы, сверхлюди, что предполагает, что и не люди они вовсе, а... судии людям и палачи...

Они прошли в смотровой зал, где Румянцов был уже не однажды, и где воочию знакомился с таинственным кинематографом Истории, который создается исключительно для *избранных*.

Мягкие персидские ковры ручной работы делали шаги идущих тихими и упругими; впереди прошел товарищ Архимандритов, – в дорогом темном костюме, сшитом по спецзаказу; в туфлях на высокой подошве, из нежнейшей кожи, прошедшей уникальную обработку по технологиям древних русских мастеров. За ним прошел референт, кажущийся рядом с аккуратным коротышкой-боссом гигантом. С годами у Румянцова даже выработается искусственная сутуловатость от незамечаемого им неумышленного согбення в частые моменты общения с товарищем Архимандритовым.

Посетители зашли в небольшой уютный зал и устроились в креслах с меховой обивкой цвета слоновой кости; тут же мягко приглушился свет и на широком экране пошел фильм.

Не в первый раз знакомясь в этом и в других кинозалах босса то с короткими отрывками, то «полнометражными» лентами, полными подсмотренного бездушной камерой драматизма, Румянцов отчетливо для себя понял, что нет в мире более гениальных актеров, чем главные действующие лица, вершащие мировую политику. Что нет более гениальных режиссеров-постановщиков, чем те же власть предержащие, ставящие камерные, интимные сцены, в полумраке, в глухой ночи, в свете хрустальных люстр, в тусклом мерцании золотых слитков, в сияющих бликах алмазов и драгоценных камней-самоцветов. Да, редчайшее творение искусств эти документальные сцены. Но за такими редчайшими моментами, искусно спланированными, искусно зафиксированными, но еще более искусно сокрытыми ото всех на свете глаз, – кроется *Ход Развития Человечества*.

...На экране замелькали кадры. Иван Румянцов привычно фиксировал каждое мгновение хроники. Его мозг был устроен так, что пройди после этого много-много дней и даже лет, он, если надо, припомнит все, до мельчайших подробностей, *что* и *как* было на секретной пленке. На тысячах километров пленок, которые он еще просмотрит... А сейчас, пока идут кадры, сидящий рядом с ним Арсений Алексеевич Архимандритов дает необходимые пояснения.

* * *

Сентябрь 1926 года. Товарищ Сталин отдыхает на Кавказе.

Пробыв три дня в Сочи, Генсек скрытно ото всех прибывает на внешний рейд города Ялты. Откуда катером, в сопровождении своих самых доверенных помощников Архимандритова и Салованова направляется в урочище Магарач на окраине города, где останавливается во дворце бывшего императора Александра III, – в Массандровском дворце.

* * *

...Иван Румянцов жадно вбирает в себя виды родного Крыма; фиксирует, что тогда его босс был на несколько лет моложе его самого, теперешнего, в этом 197... году. Кадры почти полувековой давности имели изумительное качество. Иван на долю мгновенья вернулся в прошлое, когда его, подростка, сюда же привозила Татьяна Якобовна Глагольевская, – сухая пожилая дама «из бывших», заставляя навсегда и хорошенько запомнить, что здесь, среди яркого многоцветия субтропиков в урочище Магарач была усадьба его предков, взорванная в конце 20-х – начале 30-х годов... Дворец Канкриных должен быть виден из окон императорского Массандровского дворца, но на кадрах, к сожалению, его нет. А, может, Папа Сеня распорядился, чтобы его референт ничего не увидел?

* * *

Там же, в одной из комнат дворца.

Вот Генсеку представлен работавший тогда в Германии резидент сталинской партийной разведки Дитрих. (Их встреча длилась около двух часов; но пленка фиксирует лишь несколько минут, – достаточно, чтобы Румянцов запечатлел в сознании лица людей. Если Арсений Алексеевич сочтет нужным, он ознакомит референта с двухчасовым диалогом...)

За 20 минут до окончания встречи Сталин и Дитрих перешли в соседнюю залу, где к их беседе подключились Архимандритов и Салованов. Генсек, резюмируя итоги своего знакомства и беседы с гостем, сказал своим помощникам:

– Необходимо со всей ответственностью подготовиться к встрече с нашим германским другом, которая произойдет в установленное нами время и, скорее всего, либо на Кавказе, либо здесь, в Ялте...

* * *

Голос Арсения Алексеевича безапелляционно поясняет, не допуская никаких чувствований в тембре спокойного голоса:

– Тебе интересно, о чем говорили Иосиф Виссарионович и резидент? Дитрих ознакомил Сталина с работой своей резидентуры в стране. И подробно изложил о предпринятых попытках захвата власти в Германии, которые, как ты понимаешь, проходили не без помощи резидентуры Дитриха. К тому времени германская рабочая партия получила название Национал-социалистической германской рабочей партии. Параллельно с резидентурой Дитриха работали и дипломаты советского посольства в Берлине (в частности, резидент Иностранного отдела ОГПУ И. С. Уншлихт; впоследствии будет переведен в РЕГИСТРУП), который вручил лидерам НСДАП инструкции и деньги, необходимые для переворота. Уншлихтом

также были завербованы соратник Вольфа, ставший впоследствии оппонентом Эрнст Рем и лидер Социалистической партии Германии Юлиус Штрейхер.

Архимандритов поднес к глазам руку, несколько минут молчал, разглядывая отполированные до матового блеска аккуратно подстриженные ногти, затем повернулся в сторону референта, бросив:

– Впрочем, получишь документы. Как ознакомишься, – доложишь свое видение... По приезде в Германию Дитрих высказал будущему фюреру предложение встретиться с Генсеком ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это происходило на вилле под Мюнхеном. Тот вначале было согласился, но затем также быстро отказался. Объяснив тем, что он не понимает нового русского вождя и особенно его отношения к Первой мировой войне, в результате которой Франция и Англия вынудили побежденную Германию платить огромные репарации, закрепив эти положения Версальским договором. И тем самым, мол, без зазрения совести начали грабить и унижать немцев и страну.

В эту минуту, следуя едва заметному взмаху руки Арсения Алексеевича, на экране вновь замелькали кадры.

На этот раз действующих лиц было трое, правда, на экране некоторое время оставались лишь двое: Сталин и его немецкий гость; третьим был остающийся за кадром переводчик, синхронно переводящий с русского на немецкий и с немецкого на русский.

То, что обладатель этого голоса сидит рядом с ним в зале, Иван Румянцов несколько не сомневался.

* * *

Август 1933 года, урочище Магарач близ Ялты.

Тайная встреча Генсека и фюрера. Вот фюрер благодарит Сталина за то, что тот обеспечил ему выборы, позволив победить. Далее он выказал свою озабоченность многими делами, творящимися в Европе. Сказал, что считает, что германский народ вымрет, если он не поставит на должное место *бесов и jude*; затем сказал, что французы оказались безвольными, попав в плен к тем же *юдэ*.

...Казалось, потоку его речи не будет конца и Сталин, воспользовавшись короткой паузой, напомнил, что патриотизм – дело хорошее, но при первом личном знакомстве не следует так пылко распространяться на подобные темы. Обменявшись взглядом со своим немецким другом, товарищ Сталин сказал:

– Мы вам обеспечили победу, и мы вам хотим предложить создать достаточно сильную армию. По возвращении в Германию вам нужно наладить отношения, которые, по нашему мнению, не так уж и плохи, с румынским правительством. А мы со своей стороны вам поможем. Вы ведь убедились в том, что мы не подводим... Румынская нефть станет вашей, что очень важно для ваших замыслов, которые мы поддерживаем. Но имейте в виду – главный враг не Франция, пусть ближайшим врагом Германии будет... Британия. А там посмотрим. ...Вы понимаете, что если мы сумели вас привести к власти, то наши возможности в Германии неограниченны. И коль речь зашла о долге, то... не могли бы вы дать согласие на то, чтобы мы способствовали развитию новых технологий в вашей стране? Сделав паузу, Сталин ждал, что на этот счет скажет гость; тот энергично посыпал скороговоркой:

– Мы согласны, румынская нефть окажет существенную помощь в развитии нашей экономики. И мы согласны с тем, что вы готовы поделиться с нами новыми технологиями. Но все это требует больших капиталовложений.

– Не беспокойтесь. Наш с вами общий друг Тиссен вам поможет. А деньги никогда не исчезнут, пока он – наш общий друг. Как, впрочем, и некоторые другие...

* * *

Просматривая пленку, референт Румянцов обратил внимание на то, что иногда фюрер оглядывался влево от себя, пытаясь рассмотреть в полумраке человека, синхронно переводившего их с Генсеком разговор. Но рассмотреть присутствующего никак не удавалось. Фюреру, однако, было ясно, что человек этот не немец, но великолепно владеет его родным языком и его диалектом.

...Фюрер был талантливым и способным учеником. Он схватывал суть сразу же. Так что тогда, пожалуй, был тот единственный случай в его жизни, когда он понял, кожей своей ощутил, что в присутствии этого небольшого ростом советского вождя с рябоватым лицом он никогда себе не позволит выступать с длинными зажигательными монологами, а будет лишь внимать тихому, не терпящему возражений, непонятному голосу с акцентом. Именно к такому выводу пришел Иван Румянцов, когда поздним вечером того же дня его голова коснулась подушки в ожидании отдыха. Но даже во сне его мозг будет продолжать работать...

Свидетелем и переводчиком исторической встречи, разыскиваемым слева, в полумраке, озабоченным гостем из Германии, был тогда еще молодой Арсений Архимандритов.

Сейчас, когда фильм закончен, и в зале медленно разгорается приятный мягкий свет, Арсений Алексеевич Архимандритов повернулся к референту, оценив цепким взглядом отсутствие недоумения или удивления на лице Румянцева. Правило таково: *только бесстрастные способны видеть вещи такими, каковыми они являются на самом деле.*

– Вернешься к себе в кабинет, просмотришь папку у себя на столе.

– Есть!

– После зайдешь ко мне.

Иван Михайлович Румянцов только кивнул. Они поднялись с кресел и вышли в длинный коридор, устланный узорчатыми персидскими коврами.

Глава 10

На столе у референта действительно лежала папка, с содержимым которой предстояло ознакомиться. Чтобы через Историю и ее секреты Иван Румянцов мог подготовиться к определенной миссии.

Документы свидетельствовали, что...

* * *

В конце 90-х годов XIX века вице-адмирал Степан Осипович Макаров выступил с идеей создания мощного судна для плаваний в Арктике. Узнав об этом, начальник Имперской разведки генерал-адъютант Его Императорского Величества граф Александр Георгиевич Канкрин встретился с адмиралом, чтобы обсудить секретный вопрос: нельзя ли такое судно направить в противоположную сторону, – к Антарктиде, для постоянных рейсов? На что адмирал резонно заметил, что подобная операция в составе одного корабля нежелательна, для экспедиции понадобятся несколько кораблей и ледокольный пароход. При этом, подчеркнул Степан Осипович, учитывая огромное расстояние, необходимо создать несколько баз и стоянок на пути к Южному континенту. А, освоив этот маршрут, установить на открытых русских территориях Антарктиды базы поселений, чтобы там находились постоянно действующие сменяемые друг друга группы людей.

Граф попросил адмирала привлечь к изучению проблемы некоторых русских ученых. Тот загорелся идеей освоения новых далеких земель. XIX век дал многие умы, достойные своей великой эпохи просвещения, познания и освоения; множество порядочных сердец были охвачены грандиозными планами, воплощаемыми в жизнь; и эта похвальная жадность к делам и наукам была отличительной чертой Российской империи накануне ее трагической гибели...

Вице-адмирал Макаров привлек к работе по освоению шестого континента профессора химии Д.И. Менделеева, профессора медицины И.М. Сеченова и некоторых других, казалось бы, далеких от проблем геологии и океана...

По истечении четырех месяцев была составлена научная записка на Высочайшее имя. О чем граф А.Г. Канкрин доложил императору. При этом граф Александр Георгиевич, изучив Государя, с готовностью предложил просчитанный с финансовой и научной точки зрения проект, в соответствии с запиской адмирала Макарова по освоению открытых русскими исследователями территорий в Антарктиде. Проект был засекречен, а вице-адмирал Макаров, как и ученые, принимавшие участие в разработках проекта, не распространялись о секретных планах императора и великой России...

В 1903 году в Антарктиду ушла русская экспедиция в составе трех кораблей, однако, среди них не было ледокольного парохода. Все материалы экспедиции за почти четыре года плавания и почти год пребывания русских на Земле Королевы Мод впоследствии были засекречены в силу сверхуникальности! Любопытно, что даже состав участников экспедиции тщательно скрывали от... ближайшего окружения Государя. Опасаясь шпионов, доносчиков и провокаторов.

* * *

В 1901 году император Николай II встретился со своим двоюродным братом, императором Германии Вильгельмом II. Оба приняли участие в смотре кораблей германского флота.

В этом плавании русского государя сопровождал отряд боевых кораблей в составе броненосцев «Император Александр II», «Победа», крейсеров «Память Азова» и «Минин», броненосцев береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Грейг», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев», «Первенец» и нескольких малых кораблей.

Во время встречи монаршие братья выяснили, что морские офицеры Германии желали бы на манер русских моряков вместо сабель иметь кортики. И 13 сентября, находясь на борту крейсера, Император Вильгельм II подписал указ, в котором говорилось: *«После того, как Его Величество Император России Мой брат Николай II выразил Мне свое Высочайшее признание достижениями германского флота, в память об этом и о Моей встрече с Его Величеством Императором Николаем II повелеваю, чтобы Мои морские офицеры, подобно российским императорским морским офицерам, носили в качестве личного оружия кортик с черной поясной портупеей».*

После торжеств и совместного парада двух флотов монаршие братья уединились, и император Российской империи предложил германскому императору сотрудничество в совместном освоении шестого континента – Антарктиды. Император Вильгельм II внимательно изучил проект совместного исследования земель и строительства объектов в Антарктиде, после чего дал согласие...

Это историческое соглашение между двумя величайшими монархами и положило начало взаимному сотрудничеству по освоению шестого континента, сотрудничеству, которое НЕ прерывалось, невзирая на перипетии XX столетия. НЕ прерывалось даже когда в России к власти пришли большевики, а в Германии – фюрер. Этим отношениям НЕ помешала и Вторая мировая война!

Именно в этом и состоял самый *главный секрет* XX столетия...

Во время встречи император Николай II сказал своему двоюродному брату, что помимо надводных специально оборудованных кораблей для длительных и сложных экспедиций следует привлечь и *подводные лодки*. Именно тогда русский император поделился с германским монархом идеей вооружения боевых подводных лодок ракетным оружием.

И предложил ознакомиться с копиями проекта «потаенного судна» «Инвизибль», предлагаемого еще в 1823 году французом Монжери. Предоставив затем монаршему брату иные копии, – копии документов, подтверждающих существование в Российской империи подобных «потаенных судов», которые пытались строить еще при императоре Петре I.

Спустя 11 лет после предложения Монжери, идея получила удачное практическое подтверждение, – в Русской империи военный инженер, немец по происхождению, Карл Андреевич Шильдер создал *прообраз подводного ракетоносца*. Подлодка клепаной конструкции, построенная в мае 1834 года на Адмиралтейской судовой верфи в северной столице, была первым железным кораблем России. Вооружение подлодки состояло из 6 пороховых ракет диаметром 4 дюйма (102 мм), размещавшихся в 6 железных трубах, служащих направляющими. Испытания подлодки с пуском ракет произвели в августе того же года на реке Неве, а в июне 1838 года – в районе Кронштадта.

Это сообщение, остававшееся *до поры до времени* тайной, умело сохраненной русскими, весьма заинтересовало монаршего брата императора Николая II.

...пройдет 40 лет, и в Германии на одной из подводных лодок будет испытана баллистическая ракета.

Но перед этим, чуть ранее, в 1923 году Герман Оберт теоретически рассчитал ракету для полета в космическое пространство. Его ученик Вернер фон Браун, работавший в ракетном центре над баллистической ракетой, проводил опыты по запуску ракет в космическое пространство.

Летом 1940 года были осуществлены старты паровых ракет с подлодок класса «1ХЦ» с глубины 10–15 м. Автором этих экспериментальных пусков был работавший в научном

центре Пенемюнде инженер Э. Штейнхоф. Командовал подлодкой его брат капитан-лейтенант Ф. Штейнхоф. Испытания прошли успешно, иначе быть не могло. Ибо еще почти за 4 года до этого инженер Штейнхоф совместно с советскими коллегами работал в этом направлении в... *одной из подземных баз в Антарктиде!*

* * *

«Именно в этом и состоит самый *главный секрет* XX столетия...» – навязчиво крутилось в голове капитана 1-го ранга Ивана Румянцова. И он никак не мог отделаться от раз вспыхнувшей мысли. А она, появившись единожды, со временем стала постоянной, почти обыденной, словно помогая ему формировать картину XX века, складывая из нее ледяную мозаику.

Итак, – частично подытоживал каперанг, – в мире признано, но широко не афишируется, что после исследований, осуществленных русскими моряками в первой половине XIX века, наибольшие исследования в Антарктике провели немцы, а также, конечно, и русские. Всплеск интереса к ледяному континенту проявился уже в послевоенные годы; и лидером тут были США, организовавшие ряд военных экспедиций на материк. Отсутствие интереса у некоторых стран к шестому материку, – полагал Румянцов, готовивший после ознакомления с материалами рапорты Арсению Алексеевичу Архимандритову, – объясняется либо непониманием его уникальности, либо элементарным отсутствием финансов на экспедиции и освоение.

Безусловно, Антарктиду можно расценивать как резервную базу человечества, и не только благодаря наличию ископаемых и иных природных богатств в недрах, но и немалому количеству пресной воды, запасы которой там составляют не менее количества, имеющегося на всех материках вместе взятых.

Но был здесь *еще* нюанс, *еще* некая весьма важная составляющая, объяснить которую каперанг Румянцов пока не мог.

Потому что Истина, или секрет, заложенный в Антарктиду, поражал воображение любого человека...

Глава 11

Генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов приказал уведомить своего непосредственного подчиненного ведущего референта, капитана 1-го ранга Ивана Румянцова, что ждет его в своем кабинете.

А когда тот явился и доложил о прибытии, Исай Львович показал ему на стул, предлагая присесть. Генерал долго молчал, не начиная разговора, и, сидя за рабочим столом, все рассматривал какие-то бумаги. Румянцов не знал, имеют эти бумаги касательство к его сыну, теперь уже генерал-майору медицинской службы Станиславу Исаевичу, который состоял под началом у него, капитана 1-го ранга, или к прошлым операциям Румянцова, или даже к экспедиции «Снежный юг».

Через какое-то время у Ивана Михайловича стало складываться впечатление, что Гейер-Генерозов рассматривает не бумаги, а проверяет его терпение. Хотя это было излишне: генерал знал Румянцова, еще когда тот учился в академии, знал всю подноготную, давнюю древнюю родословную юноши, оставшегося сиротой после того, как его родителей расстреляли *«за сокрытие своего непролетарского происхождения»*.

Как-то в беседе с генералом секретарь ЦК Архимандритов подметил, что им нужны новые кадры молодых специалистов.

Гейер-Генерозов еще с 20-х годов, со времени их знакомства и работы в ЧК в разных регионах страны, а после – совместной работы в Секретариате товарища Сталина, знал, что его старый друг Арсений Архимандритов сверхнепредсказуем. Знал, что тот ни разу не повторился в своих поступках и решениях! Исай не мог высчитать систему работы начальника, систему его жизнедеятельности, истоков его таланта и его дьявольской силы. С годами, все более восхищаясь делами Архимандритова, Исай Львович чувствовал, как усиливается в нем страх, как накатывает, обволакивая сердце адский ужас...

Зато генерал знал точно, что не имеет права ошибиться; у Папы Сени ошибки не прощались никому и никогда. И предлагая что-то или кого-то Архимандритову, высказывая личное мнение, нужно было уметь сказать единственно правильное, что не вызовет у босса возражений. Потому как он вовсе нечасто спрашивал чьего-то мнения...

И тогда, когда Архимандритов заметил, что им нужно подготовить, вырастить молодые кадры, он услужливо промолчал. Зная, что любая реплика босса равносильна его приказу, – скорому для исполнения. А Архимандритов, застыв в раздумье, и словно снимая с невидимого энергетического потока информацию, взял остро отточенный карандаш и написал незнакомую фамилию «Румянцов». Потом, подняв пронизывающие до нутряной глубины глаза, посмотрел на Исая, и, протягивая листок своему другу и помощнику, сказал:

– Этот.

Исай даже не рискнул спросить имя и отчество этого *Румянцова*, хотя не сомневался, что патрон знал даже, где тот сейчас находится; он лишь осторожно поинтересовался:

– Арсений Алексеевич, он... слушатель академии? И тут же облегченно выдохнул, когда услышал ответ.

– Ты попал в точку. Его зовут Иван.

Исай не мог себе объяснить, как он попал в точку, как он вообще попадает в эту роковую точку. Он боялся даже осмыслить, откуда в его голову приходят эти знания: что и когда надо ответить... потому что в какое-то мгновение ощутил, что им управляет чужая воля, а, ощутив, испугался и затаился.

Пока что *судьба-злодейка* благоволила ему; Гейер-Генерозов ни разу не промахнулся, или... почти ни разу... Лишь единожды, в 1953-м, тучи сгустились над головой Исая, и он стучал в запертую дверь кулаками и ногами, пока с пальцев не слезла кожа и не полилась

кровь, а потом, замерев в омерзительной панике и хватая в легкие воздух, во всю мощь, до полного изнеможения выдохнул, адресуя Архимандритову: «Дья-я-я-я-я-я-я-я-вол!». Оттого, что до этого Исай Львович длительное время бился в истерике, голос покинул его гортань, и кроме сипящего выдоха никто ничего не смог бы услышать. Его «Дьявол!» прозвучало в нем самом... Но в тот момент, когда он орал это слово, разрывая внутренности, сидевший в кабинете Арсений Алексеевич почувствовал, как нестерпимо ему хочется улыбаться... Он встал из-за стола, открыл тщательно замаскированную в нише дверь, вошел в лифт и тот медленно, затем набирая скорость, все быстрее и быстрее опустился на большую глубину, после чего плавно остановился.

Арсений Алексеевич вышел в коридор, покрытый белоснежной краской с такими же белыми дверями камер по обе стороны. И от этой стерильности создавалось впечатление, что попадаешь в операционную.

Эта тюрьма, состоящая в дивной темной глубине недр из нескольких подземных этажей, была изобретением самого Арсения Алексеевича. Не из *дантовского* ли многоэтажного подземного ада почерпнул он идею?! На первом этаже находились разные меблированные кабинеты; к примеру, кабинеты со стоматологическими креслами и со всем хирургическим и стоматологическим оборудованием. Но все это оборудование таилось за перегородкой, до поры до времени. Если в такое кресло попадал обреченный посетитель, то при определенных манипуляциях с техникой он проваливался в подполье, то есть, на второй этаж. При условии, что *кто-то* нажмет рычаг и отправит бедолагу вниз, в кажущуюся обычной камеру с «шубой», закрывающимися на день нарами, с парашей в углу и с кормушкой-люком в двери. Но во всей этой хитроумной системе был и третий этаж, и не дай *Боже всемилостливый* оказаться именно там... где, по неким таинственным сведениям, выражение «*у меня и мертвый заговорит*» становилось умопомрачительной, чудовищно-правдивой явью... Ниже шли не этажи, а... рукотворная *преисподняя*...

Спустившись вниз, Арсений Алексеевич направился к камере «Ж-666». Редкие умники, знавшие о существовании камер или работавшие тут, высказывали предположения, что Ж означает обнадеживающее – «жизнь», другие скабрезничали: «жопы», порванные клещами...

Цифры и буквы на дверях камер, как и все остальное здесь придумал Архимандритов. И никто из его сотрудников не подозревал, что в каждой значах на двери заложен глубокий, прямо-таки сакральный смысл. И что если сложить эти буквы и цифры в определенном порядке в ряд, то получится изречение, фраза, которая, несомненно, будь она озвучена, стала б не менее крылатой, чем «*Жребий брошен. Рубикон перейден*» Гая Юлия Цезаря.

Когда открылась дверь, и вошел Архимандритов, пленник сразу же вскочил с деревянной кровати, на которой лежал в изнеможении. Архимандритов, словно совершая таинственные манипуляции, плавно провел ладонью и холодно спросил:

– Ну что, Исай, ты звал Дьявола?

Гейер-Генерозов весь сжался, его тело словно уменьшилось, зрачки расширились сплошной серой массой и закрыли белки его глаз. Он упал на колени, из горла раздался клекот. Но Архимандритов разобрал, что он сказал.

– Не бросай меня. Я звал тебя, и ты пришел.

Исай редко обращался к Архимандритову на «ты», и сейчас он попросил именно так. Неизвестно, дрогнуло ли сердце Арсения Алексеевича, торжество или сочувствие мелькнуло в нем, когда он тихо приказал:

– Встань, Исай. Пойдем. Зачем тебе быть на первом этаже? И чуть помолчав, словно и далее испытывая терпение страдающего друга, продолжил фразу успокоительным:

– Пойдем, работы много. То был единственный случай, когда он был на грани роковой черты, жестоко проученный за промах.

И когда, казалось бы, пришла наконец пора показать боссу выпускника академии капитан-лейтенанта Ивана Румянцова, Гейер-Генерозов поостерегся; что-то в нем подсказывало, что еще рано, что вот-вот... чуть погодя... Хотя бы потому, что Арсений Алексеевич имел свою методику проверок для допускаемых в святая святых своего аппарата, а правильное будет, – в свой *адов ад*.

Так выпускник убыл для прохождения дальнейшей службы на Северный флот. А вслед за ним последовал приказ о досрочном присвоении воинского звания «капитан 3-го ранга», как блестяще, с красным дипломом и золотой медалью закончившему военный вуз офицеру.

Иван, заносчивый юноша, мечтающий о скорой карьере... напичканный знаниями молодой человек, искренне желающий приносить пользу своему Отечеству...

И уже на первом месте службы Иван Румянцов проявил инициативу, за которую другой бы офицер поплатился головой. Когда Исай Львович узнал, что тот оказался в Норвегии, на одной из военных баз НАТО, без санкции на то! – он чуть не принял решение об уничтожении офицера, этого молодого горячего выскочки, показывающего недюжинный норов. Такие могут быть опасны для кого угодно; преданные служаки, они могут стать опасны, в первую очередь, для непосредственного начальства. Но что-то заставило не спешить. И генерал, выбрав удобный момент, доложил боссу. А пока он выбирал тот самый удобный для себя момент, Румянцов завершил продуманную им же самим операцию и возвратился на северную базу.

Архимандритов, выслушав своего генерала, сказал:

– Сейчас весна. Его надо отправить в отпуск. А там решим, что надо делать.

Кто-кто, а Гейер-Генерозов знал, что за фразой «а там решим, что делать» следовали две развязки: либо повышение статуса, либо уход в небытие. Оставалось выждать.

Но тогда, когда у молодого офицера заканчивался отпуск, генерал неожиданно слег в госпиталь. А по выходе оттуда узнал, что по личному решению секретаря ЦК Арсения Алексеевича Архимандритова Румянцов с паспортом сотрудника Министерства внешней торговли на имя *Мезенцева Алексея Васильевича* отправлен в Демократическую Республику Вьетнам.

А еще спустя чуть менее года Исай Львович будет причастен к спецоперации по вывозу из Вьетнама чудом спасшегося Мезенцева. Операция, осуществленная там капитаном 3-го ранга достаточно успешно, стоила карьеры сотрудникам торгового представительства в Хайфоне, – они были отозваны в Москву, вернее, эвакуированы. А Мезенцева по просьбе главы правительства ДРВ товарища Фам Нав Нода назначили во вьетнамскую правительственную группу представителем советского Минвнешторга.

В новой должности он проработал всего лишь месяц, как неожиданно для себя был захвачен неизвестными людьми. Как выяснилось позже, из органов безопасности Вьетнама. Следствие по так называемым преступлениям Мезенцева вел полковник Фам, закончивший в Советском Союзе Краснознаменный институт имени Дзержинского и блестяще владевший русским языком. А так как молодой советский офицер, разоблачивший заговор по поставкам некачественной продукции в Союз, перешел дорогу и полковнику Фаму, лишив того солидного куша, то специальным решением какой-то «особой комиссии» Мезенцев был приговорен к смертной казни. О чем его с беспристрастным старанием, выдающим в нем садиста, уведомил полковник. Маленький, толстенький, со щелочками вместо глаз, Фам говорил тенором, всегда чуть улыбаясь; казалось, легкая улыбка вообще никогда, даже во время сна, не сходит с его круглого лоснящегося лица.

После многих дней пыток Мезенцева усадили в стальное кресло и плотно закрепили все тело, впечатав в подлокотники врезающимися в кожу жгутами руки и ноги, чтобы он не мог даже шевельнуться. Профессионалы кровавых дел, крутившиеся вокруг него мелкими

узкоглазыми бесами, равнодушные в своей жестокой исполнительности, ловко зафиксировали его подбородок и лоб жесткими ремнями, чтоб он не вращал головой.

Прямо перед ним была натянутая огромная белоснежная простыня.

Он не знал, что ждет его на сей раз, и сможет ли выдержать новое испытание...

А когда простынь съехала, перед ним оказалась всего лишь механическая игрушка... расстрельная машина с семью устрашающими стволами. По приказу Фама установка заработала. Что-то обжигающее пронеслось мимо плеч и головы Мезенцева; и мгновенно, только услышав треск сзади, он понял, что горячее, раскаленное – это пули. Отчего-то возникло осознание, что шквал горячего воздуха длится давно, и уже никогда не кончится...

В какой-то миг Мезенцеву показалось, что его сознание, вмещающее лишь отдельные проблески последних мыслей, повисает матовым сгустком слева, и самой-самой последней осознанной мыслью в этом бесценном сгустке мелькает та, что... душа покидает его, отлетает, растворяется... А еще он чувствует тело, растерзанное раскаленным металлом, но это чувство остается за пределами человеческого сознания...

Потом все резко куда-то исчезло. Ни мыслей, ни мучений, ни существования, ни даже надежды на жизнь или смерть...

Он пришел в себя от плеска воды. Весь отекий от многочасовых избиений и пыток, с кровоточащими ногтями на руках и ногах, изорванными стальными иглами, он едва-едва разлепил глаза на запухшем лице. И в светлые щелочки увидел сначала свет, а после два – три расплывчатых вьетнамских лица, на разном удалении. И снова услышал всплеск. Он понял, что лежит в джонке, когда двое из присутствующих поднимались, и то, где и на чем лежало полумертвое тело Мезенцева, стало раскачиваться из стороны в сторону. Тогда как вьетнамцы цепко схватили его за руки и ноги, резко рванули и словно груженный мешок, сбросили в реку. Он полетел вверх тормашками, успев глотнуть воздух. Когда же вынырнул, держась из последних сил в воде, ни джонки, ни вьетнамцев уже не было, но... Но то, что он увидел, сразило его истерзанное воображение до последнего предела. Перед ним был... гигантский дракон!

Когда-то в детстве первоклассник Ваня получил в подарок от деда коробку цветных карандашей, на которой был изображен яркий, красочный дракон, растянувшийся по всей длине коробки. Чудище имело раскрытую пасть с острыми белыми зубами, из которой высывался красный язык. Шею гиганта украшали разноцветные ленточки-полоски... И тут же, вдруг, дракон с той картинки, возникший в мозгу Мезенцева, превратился в огромного крокодила, находившегося на расстоянии вытянутой руки.

Инстинктивно отстраняясь, Иван-Алексей изо всех сил пытался сдвинуть свое тяжелое тело, но неожиданно почувствовал, как что-то шершавое и жесткое уперлось в лопатку. Оглянувшись, он обнаружил еще одного крокодила.

Опасность и ужас, – не те определения, которые могли бы передать хоть толику его тогдашнего душевного состояния... Он выжил, и хотел выжить и далее...

Нырнув поглубже, он пытался проплыть от этого места как можно дальше, но повсюду наткнулся на крокодилов. Их было много: десять, двадцать, сто...

И вдруг, словно в чудесной сказке, перед его глазами возникла воздушная струя фиолетового цвета, не больше 10–12 сантиметров шириной. Один ее конец лег на воду и дорожкой начал уходить от него, словно маня за собой. Он почувствовал, как откуда-то в него вливаются силы, сделал хаотичные движения руками и... вразмашку поплыл за этим фиолетовым следом. Медленно и неохотно, но – как по волшебству – расступались в разные стороны тяжелые массивные крокодилы туши. Он прекратил загребать руками и ногами, когда его локти и колени буквально врезались в песчаный берег. Осознание того, что чудища могут плыть сзади, заставило его выбраться на песок и подняться на ноги. Он был изможден, но

даже несмотря на это, – как ему показалось, – бросился со всех ног через песчаную косу к джунглям, видневшимся метрах в пятидесяти от него.

Найдя краткое прибежище под увитой лианами пальмой, Иван ощутил, как саднит все тело, как мучительно больно, бездвижимо, невыносимо... и как мало у него времени на то, чтобы связаться с вертолетом и просто выжить...

Глава 12

Сразу после разговора с капитаном 1-го ранга Иваном Румянцовым о планируемой в будущем операции «Снежный юг», генерал армии Исай Львович Гейер-Генерозов был вызван в кабинет к секретарю ЦК Архимандритову.

В тот день Арсению Алексеевичу нездоровилось. Это был редчайший случай, когда всесильный Папа Сеня чувствовал недомогание. Никто и никогда, даже из самого ближайшего окружения не слышал о том, что он когда-либо болел или нуждался в медицинской помощи.

Встреча со старейшим коллегой и даже можно сказать, другом, генералом армии Исаем Львовичем Гейер-Генерозовым проходила в конце дня. Кто-то однажды заметил, что Исай чувствует себя у Архимандритова *человеком его тени*, – и это несколько сложное для восприятия определение было более чем точным.

Войдя в салон, Исай Львович сделал учтивый поклон в адрес патрона и сел в «свое» кресло в ожидании первых реплик, из которых можно будет узнать, о чем пойдет разговор. До смерти товарища Сталина Исай всегда обращался к Арсению на «ты», но после смерти вождя он с ужасающей очевидностью ощутил, что сильнее его патрона больше нет никого во всей партии и во всей стране, – после чего стал почтительно обращаться на «вы», нередко прибавляя: «вы, весьма уважаемый Арсений Алексеевич». Несколько раз Архимандритов пытался остановить своего верного соратника, считая, что тот заслужил право обращаться к нему по-товарищески, почти доверительно по имени и на «ты».

Но Генерозов оказался непреклонным в своей почтительной робости верного пса.

Сидя за столом, Арсений Алексеевич сквозь неплотно прикрытые веки рассматривал Ися. словно испытывая того на терпеливость, как он незадолго до этого молчал, измеряя терпение Румянцова...

И, разглядывая знакомое до мельчайших подробностей лицо товарища своей юности, Архимандритов вдруг брезгливо подумал: а насколько ты верен мне, *пес смердячий*? Мысль пришла неспроста. С годами у Гейер-Генерозова резко проявилась одна отвратительная особенность: от него действительно иногда шел дурной запах. И даже величайшие медицинские открытия, осуществляемые в лабораториях Архимандритова, не могли избавить старого человека от неприятного запаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.